

Франц Герман

Седьмое евангелие от "ЭМ"

16+

Франц Герман
Седьмое евангелие от «ЭМ»

«Автор»

2017

Герман Ф. Г.

Седьмое евангелие от «ЭМ» / Ф. Г. Герман — «Автор», 2017

Роман о творчестве. Как оно (творчество) возникает, и как через творчество человек приходит к своему главному вопросу (я думаю, главный вопрос есть у каждого). На главный вопрос пытались когда-то ответить и мои любимые писатели: Достоевский, Булгаков, Стругацкие. Я называю этот роман реалистическим, потому что все события, научные открытия и имена известных учёных в нём подлинные, взятые из реальной жизни, а вот объяснения этим событиям я даю необычные, порой мистические и научно-фантастические. В тексте такие места я почти всегда выделяю курсивом.

© Герман Ф. Г., 2017

© Автор, 2017

Франц Герман
(Franz Hermann)

**Седьмое
евангелие от «ЭМ».**
(роман в четырёх частях с прологом и эпилогом)

*Всякий человек может быть уверен, что
он включён в план мироздания во веки веков
и что всё, что с ним происходит, теснейшим
образом связано с его насущными нуждами
и ведёт его к спасению.*

Л. Эйлер
(«Письма к немецкой принцессе»)

Пролог

Упираясь параллелепипедаидальной (надо же, какое слово в мозг заехало, вслух бы, наверное, и не произнёс) головой в потолок в углу комнаты возвышался, отливая металлическими оттенками серого цвета, фантастический монстр. Сразу от короткой, цилиндрической шеи свешивались две руки-клешни. Правая была длиннее – у неё было два локтевых сустава. Левая клешня была короче и об одном локтевом суставе. Тело монстра, вернее его торс был опутан какими-то трубопроводами с маленькими блестящими краниками и выходными патрубками вперемежку со стеклянными отводами и какими-то непонятными приборами. Всё это было замотано разноцветными пучками проводов. Руки-манипуляторы завершались мониторами. Монстр нависал над специальной койкой. Койка была пуста и аккуратно застелена.

Скосив глаз налево Молнар увидел в другом, противоположном от него углу большой пишущий стол, заваленный какими-то бумагами. «Наверное, место дежурного врача», – подумал Молнар. Ещё левее угадывалось место ещё для одного пациента. Там что-то ненавязчиво жужжало. Наверное, монстр слева работал, выполняя какие-то необходимые функции. На кровати кто-то лежал. За столом никого не было. «Палата реабилитационного центра» – вспомнил Молнар. Его привезли сюда вчера вечером после операции. Над ним возвышалось точно такое же металлическое чудище. Снова скосив глаза влево он понял, что пациент то ли спит, как мёртвый, то ли и в самом деле помер – он не подавал никаких признаков жизни. Часы на противоположной стене показывали десятый час. Правая стена, возле которой лежал Молнар, почти полностью представляла из себя огромное окно. За окном был солнечный день. «Утро», – банально пронеслось в его голове. Молнар, как мог, потихоньку ощупал себя. Тело было забинтовано. Из различных частей тела выходило пять трубок: две направо, три налево. И к левой, и к правой руке были подсоединены капельницы и какие-то провода тянулись от указательного пальца левой руки. Часть из этих трубок и проводов была подведена к металлическому чудищу за спиной, который возвышался над головой Молнара. Какая-то тень проскользнула в дверь палаты. Молнар скосил глаза. Молодой мужик лет сорока или около того в верхней одежде неслышно приближался к кровати. Демисезонное пальто было расстёгнуто. «Сука-Черчилль, и здесь достали...», – в отчаянии подумал Молнар. Запёкшиеся губы рта не хотели разлепляться и слова застряли в горле. Мужик обошёл кровать с правой стороны и остановился. Правая рука стала выниматься из кармана пальто. «Пристрелит или зарежет», – как молния пронеслось в голове Молнара.

– Ну как ты? – рука пришельца нашла правую руку Молнара и слегка пожала её. – Это я вчера восемь часов возился с тобой на операционном столе. Поправляйся, – улыбнулся пришелец.

Мужик развернулся и пошёл к двери.

– Почка? – с трудом прошептал пересохшими губами Молнар.

– Почку удалось сохранить, – снова улыбнулся мужик и вышел из палаты.

Наступала двадцать третья весна и Молнар вдруг ясно вспомнил вчерашний день.

* * *

Пространства бывают разные: евклидовы, неевклидовы, комплексные, т. е. мнимые и многие другие. То, о котором мы будем рассказывать в нашем правдивейшем повествовании, называется кватернионовым. Мы будем просто называть его потусторонним, чтобы не забивать голову читателю различными мудрёными словечками. Именно этот мир Максвелловского электро-магнетизма нам и интересен. Населяют его не люди, а элмаги. Когда-то слово «элмаг» писалось через чёрточку «эл-маг» от слова электро-магнетизм, но потом чёрточка куда-то пропала. В древних повериях, легендах, сказках народов Земли упоминались эльфы и маги, т. е. различные чародеи и волшебники. Эти слова как раз и произошли от слова «элмаг».

То учреждение, где служат действующие лица нашего повествования называется Центр Цивилизаций или сокращённо ЦЦ – так в народе говорят. Как-то так повелось, что мы все склонны к аббревиатурам. Кстати, муха ЦЦ – это детище этого Центра. Сейчас уже и не вспомнишь кому и зачем эта муха когда-то понадобилась на Земле.

Центр состоит из нескольких сотен различных служб или, проще говоря, отделов. Наши служаки – из трёх различных отделов. В отделе Спасения и Сохранения (или сокращённо – «СС») служит Антон Харитонович Бережной. Востриков Иван Савельевич из отдела Советов и Наставлений («СН»). «СОН» – так между собой называют элмаги этот важный департамент. Ещё один наш герой является старейшим сотрудником отдела Искушений и Ликвидаций («ИЛ»). А где находится ил? Конечно же на дне. Потому в народе этот отдел и стали называть: «ДНО». Порой, можно было услышать такой диалог между сотрудниками ЦЦ: «– Так ты из ИЛа? – Да, с самого ДНА». Зовут нашего героя Погребняк Демьян Онуфриевич. Коллеги за глаза называют его ДемОн. Сам же он не любит это прозвище – уж как-то тенденциозно.

Вражда между первым и третьим отделом началась так давно, что уже никто и не мог вспомнить из-за чего всё это случилось. То ли Каин увлёкся подбрасыванием камня (конечно, по негласному совету сотрудника отдела «СН» для наблюдения силы всемирного тяготения), чтобы изучать его падение, да и зашиб поничайности Авеля, который мыкался неподалёку. И с тех пор стали использовать яблоко, а не камень. То ли это случилось позже, когда Иуда не понял подсказки..., а списали на сотрудников «ДНА», а сотрудники «СС» всё это проморгали... Но вражда эта стала настолько непримиримой и отчаянной, что о перемириях даже и речь не заходила. Очевидно, что вся война велась закулисно. Руководство Центра догадывалось, но активно встречать пока не собиралось.

В общем, наш рассказ и относится к этой непримиримой войне между двумя отделами, показанной на примере всего лишь одной, может быть и не очень яркой, судьбе простого смертного землянина.

Впрочем, был ещё один, некто наблюдатель и собиратель отчётов. Ведь всем известно, что отчёты о случившемся эпизоде, собираются вместе от всех отделов, а уж потом передаются в департамент генетики нашего Центра. А как их там обрабатывают – это уже никому не известно. Имя этого некто никто не запомнил, да и не важно это. Словом, как

хроникёр в «Бесах» Достоевского. Какой-то модельер из отдела Наблюдений ЦЦ. Да и хроникёром-то его не назовём в полной мере. Какие тут времена, если длина не определена, а скорость постоянна. Вот такая здесь «синтетическая» геометрия этого потустороннего мира.

* * *

В качестве примечания надо отметить, что все диалоги, монологи и прочие разговоры на иностранных языках сразу будут даны в переводе на русский.

Часть I

Учёба жизни

*«Всё расписано на небесах.
Что же остаётся человеку?
Подробности!»*

Г. Горин
(«Дом, который построил свифт»)

Глава 1.

Командировка

Дядю Колю Гришкинкова знала, наверное, вся округа вследствие его компанейского характера, а может и за славное военное прошлое. В годы войны он был военным лётчиком. Перед самым концом был сбит где-то на польско-немецкой границе. Долго лежал в госпиталях, так как получил ранения обеих ног, но в конце концов оклимался. Правда из авиации и вообще из армии был списан окончательно. Вот и пришлось ему в сорок восьмом году получать гражданскую профессию, поступив в горный техникум города Красноярска вместе с пацанами, которые в этом году только окончили школу и были младше его лет на десять-двенадцать.

Дядя Коля чуть прихрамывал и потому ходил с палочкой и всегда носил гимнастёрку с орденской планкой из трёх наград.

Видимо, поэтому дяде Коле могли «отпустить» в любой распивочной точке нашего района даже в то время, когда точка эта была ещё закрыта. Было бы кому отпускать.

– Ну, что, Антон, давай ещё по одной. – Обратился он с предложением, дожёвывая пирожок с ливером, к мужику, стоявшему с ним за одним столиком у розничного киоска.

– Нет, дядя Коля, дел ещё полно, а день только начинается.

В это время хлопнула дверь киоска. Киоскёрша открыла ставню окна, опустила прилавок и перегнувшись достала через окошко тарелочку с бутербродом.

– Открываемся, – зычно сказала она ни к кому конкретно не обращаясь и направилась к столику. – Ваш бутерброд, дядя Коля, – она поставила тарелочку на стол.

– Спасибо, Зинуля, – кивнул дядя Коля, – а день будет жарким, – дядя Коля намекал на пиджак Антона.

– Переодеться не успел, – сказал сосед по столу тоже доедая свой пирожок. При этом он по привычке коснулся правой рукой бокового кармана пиджака, где лежал наган. Ему удобно было носить наган в боковом кармане, а не во внутреннем, и, уж тем более, не сзади, за поясом брюк. Дяде Коле он представился командировочным, на днях приехавшим в Красноярск.

Расположение столика было таким, что с этой позиции удобно проглядывалась большая часть, прилегающего к дому проспекта и забор, уходящий во двор этого дома. Краем глаза Антон наблюдал за молодым мужиком, может быть лет на пять-семь помоложе самого Антона, который уже два раза прошёл туда-сюда мимо их столика. Но это был не тот, которого поджидал здесь Антон уже несколько дней. Одет он был по-летнему – в рубашке с закатанными рукавами и в соломенной шляпе на макушке. Да ещё с потёртым портфелем в руке. Где-то вдаль слышались два коротких гудка паровоза. Мотаня^{*)} прибывал к «Каменному кварталу». На гудок паровоза курсирующий мужик замедлил своё движение и повернулся к стлику, где стояли Антон с дядей Колей.

– Я извиняюсь, товарищи. Не подскажите, где-то здесь должен быть пятый роддом. Вроде адрес этот, а роддома не вижу, – мужик виновато улыбался и разводил руками.

– Это надо под арку, – начал было объяснять Антон, – хотя – покажу, мне в ту же сторону, к Ладейке^{**)}. «Проговорился», – мелькнуло в голове, но дядя Коля этого не заметил.

– Ну, дядя Коля, должен бежать, спасибо за компанию.

Они пожали друг другу руки и Антон присоединился к мужику, что спрашивал про роддом.

Антон с мужиком свернули под арку в центре дома и углубились во дворы.

– Это не далеко, – сказал Антон, показывая рукой вперёд.

– А я узнал вас, Арон Хароныч, по описанию, – вдруг заговорил, идущий рядом с Антоном мужик. Антон резко замедлил ход – «понятно откуда ветер дует», – мелькнуло у него в голове, машинально касаясь рукой кармана пиджака.

– Только зовут меня Антон Харитонович, а не Арон Хароныч. Арон – это коллеги так прозвали, а вот ты кто такой? – Они окончательно остановились, уставившись друг на друга.

– Вос... Я из «СНА», вы не волнуйтесь, по другому никак не мог вас известить, – скороговоркой зататорил мужик в шляпе.

– Из «СНА»? – в голове у Антона что-то не складывалось, – «изменения в командировке? Но «СОН» здесь при чём?»

– Вы не волнуйтесь, – шляпа замахал перед собой руками, – расширенный проект, я давно здесь, больше десяти лет, ну – так вышло, только сейчас пересеклись, раньше никак невозможно было.

– Стоп, – в приказном тоне остановил его Антон, – Погребняка знаешь?

– Слышал, но никогда не видел.

– Что в портфеле, оружие?

– Да нет, так, для солидности. Кусок хлеба с колбасой положил. Вдруг надо будет перекусить.

– А выпить не положил?

– Не пью, – развёл опять руки шляпа.

– Ну ладно, может и хорошо, что вдвоём встретились. С Демьяном на контакт не пойдёшь – он всегда себе на уме. Знаешь, что это? – Антон вытащил из кармана наручники.

– Вроде наручники.

– Держи, у меня всегда пара.

– Зачем? – шляпа вытаращил глаза на Антона.

– На всякий случай, есть у меня не хорошее предчувствие. Как-то всё не по сценарию. Вон зелёный сарай и есть пятый роддом. Всё равно не понимаю – тебе-то какого ляда здесь делать?

– Так, убедиться, что всё идёт по плану...

– Ладно, потом расскажешь. Звать-то как?

– Востриков Иван Савельевич, – отрекомендовался шляпа.

– Пошли, Востриков. Наручники припрячь.

*) – Мотаня – рабочий поезд из паровоза «овечки» и трёх пассажирских вагонов.

**) – Ладейка – казачье поселение на берегу Енисея

Они поднялись на крылечко зелёного дома и вошли во внутрь. Прямо от входной двери стояла длинная лавка во всю длину прихожей.

Справа, у стены блестела стеклом регистратура, за окошком которой сидела дежурная медсестра. На лавке примостился одноногий старик, облизывая самокрутку. Рядом лежали костыли.

– Всем привет, – бодро поздоровался Антон, – присядь пока, – кивнул он Ивану. Одноногий даже головы не повернул, а медсестра в окошке вообще не слышала – она дремала, свесив голову. Антон направился к регистратуре, отметив про себя: «не густо сегодня желающих рожать».

– Здравствуйте, красавица, вопросик имеется.

Медсестра за окошком вздрогнула.

– Вы к кому?

– Мы хотели бы узнать, Лидия Молнар уже родила?

Медсестра глянула в какие-то бумаги, разложенные перед ней на столе, и отрицательно покачала головой.

– Нет пока.

– А когда это должно произойти?

– Это одному богу известно, – улыбнулась медсестра.

– Сейчас разведем, – буркнул Антон и подошёл к Вострикову. Он присел рядом с Иваном на лавку, облокотившись на прохладную стену спиной и широко уперевшись ногами в пол. Затем он закрыл глаза и выкатился из физического тела по методу Монро. Уже невидимый он прямо через стену исчез в коридорах первого этажа.

– Что это с ним? – надтреснувшим голосом спросил старик, выпуская клубы дыма.

– Михеич! Ты бы не курил здесь, – обратилась из окошка медсестра.

– Да я чутка, пару раз затынусь только. – Старик дотронулся до руки Ивана и, когда тот к нему повернулся, кивнул в сторону неподвижного Антона.

– Последствия старой контузии, не обращай внимания, – сказал Иван, – сейчас пройдёт. Посидит тихонько несколько минут и всё.

Старик понимающе кивнул головой и снова украдкой затынулся.

Между тем Антон незаметно парил по коридору первого этажа, внимательно вглядываясь в таблички на дверях. У двери с надписью «Глав. врач» он поднялся к потолку и просочился сквозь стену. За стеной заканчивалась утренняя планёрка.

– Ну, ладно, что сегодня, – главврач обвела всех строгим взглядом. Антон завис прямо над её головой и стал посылать мысль: «Молнар, Молнар, Молнар...».

– Да, – вдруг встрепелась главврач, – как дела у Молнар?

– Она не родила ещё, Валентина Ивановна, – тихим голосом проронила старшая медсестра, – хотя воды отшли ещё в понелельник ночью.

– Как отошли?! – Вскочила главврач со стула и, сметая всё на своём пути ринулась из комнаты.

Лида Молнар тихо лежала на боку в своей палате и читала книжку. Спать ей не хотелось. Все мысли были о будущем ребёнке. Она ловила себя на мысли, что не понимает о чём прочитала и начинала заново перечитывать страницу. В эту минуту в палату ворвались женщины в белых халатах. Невидимый Антон сопровождал их под потлком.

– Ты, что же это, голубушка, – даже не поздоровавшись налетела на неё Валентина Ивановна, – рожать собираешься?

Она присела на кровать Лидии и откинула одеяло. Потом положила руку на большой живот и вдруг припала к нему ухом.

– В родильную.

Началась суматоха. Антон проник в коридор. Смотреть, как будет происходить рождение ребёнка ему не хотелось, но он решил дожидаться благополучного финала, а то что этот финал будет благополучным он не сомневался. Из-за двери доносились обрывки разговоров: «... дыши глубже... тужься... не кричит... да, хлопни ты его как надо, поперёк лопаток...». Антон не выдержал и проник в родовую. Новорожденного держали вниз головой за крохотные ножки и крепко хлопали по спине. Вдруг послышалось слабое протяжное кряхтение – новорожденный подал голос.

– Ну, Лидка, сын у тебя, смотри...

– В рубашке родился..., – сказал кто-то из медсестёр.

Лидия Молнор повернула свинцовую голову, улыбнулась и потеряла сознание. Потом начались обычные процедуры: обрезание пуповины, обмывание, взвешивание, пеленание новорожденного, ну словом всё, что положено делать в таких ситуациях.

Антон снова оказался в коридоре и стал смотреть через окно во внутренний двор. Надо было возвращаться к Ивану. Антона продолжала тревожить мысль, почему появился Востриков. Ждал он Погребняка, а появился какой-то Востриков. Погребняк – это ликвидатор. Антон навёл справки через своих агентов в ЦЦ и знал, что будет в этой операции участвовать Погребняк. С ним они пересекались множество раз на других операциях, а Востриков появился впервые. Антон даже и не слышал никогда и ничего о нём. При мысли о Погребняке какая-то мысль встревожила Антона. Конечно, мужик, что только что пересёк внутренний двор и вошёл через чёрный ход, был похож на Погребняка. Антон метнулся вдоль коридора, котрый к этому моменту был уже абсолютно пуст. С противоположного конца медленно ступая, как будто боясь скрипнуть половицей или сапогом, шёл Демьян Онуфреевич Погребняк по кличке Демон. Было ему уже далеко за пятьдесят, но был он мужик ладный и крепкий. Антон не знал его намерений, но чётко понимал, что в этом положении он никак не может ему помешать в его действиях. Антон кинулся к регистратуре с максимальной возможной скоростью света и вкрутился в собственное тело.

Иван и Михеич мирно о чём-то беседовали. Антон открыл глаза и тихо, но внятно проговорил: «Послеродовое ... второй этаж ... быстро». Иван оборвал разговор на полуслове, вскопчил, как ошпаренный, на какую-то долю секунды вдруг замер, потом схватил костыль Михеича и, прыгая через три ступеньки, бросился вверх по лестнице.

– Куда? Не положено ... с костылём...! – заорал Михеич. От его крика снова проснулась медсестра в регистратуре и не понимая захлопала глазами.

Иван ворвался на второй этаж, слегка перевёл дух и двинулся вдоль коридора, ища послеродовое отделение. Дверь в послеродовое была чуть приоткрыта и Иван без лишнего шума заглянул туда. У противоположной стены спиной к нему стоял согнувшись какой-то мужик и внимательно вглядывался в надпись картонной бирки, которая была привязана к спинке кровати новорожденного. Иван сделал неслышный шаг вперёд и, не отдавая себе отчёта, наотмаш со всей силушки треснул склонившегося мужика костылём. Удар пришёлся между шеей и плечом. Мужик даже не успел ничего понять, теряя сознание. Иван подхватил его под мышки и пятак выволок в коридор. Потом подтащил его к окну и тихо положил у батареи. Он собирался уже уходить, но какая-то мысль пришла ему в голову. Иван быстро нагнулся, достал из кармана брюк наручники и пристегнул Погребняка (это конечно же был он) к батарее. Затем спустился на первый этаж. Увидя Михеича, он сообразил, что забыл костыль в послеродовом.

– Что? – спросил Антон, поднимаясь ему навстречу.

– Без сочнания, лежит пристёгнутый к батарее.

– Круто, но к батарее это слишком.

И они снова стали подниматься на второй этаж.

– Костыль! – Крикнул вслед Михеич.

– Кстати, а где костыль? – спросил не останавливаясь Антон.

– Кажется, в послеродовой забыл.

В коридоре по-прежнему никого не было. Погребняк мирно лежал у батареи. Антон снял наручники, поводит руками у головы лежавшего, Иван взял забытый костыль и они снова пошли к лестничному спуску. У ординаторской Антон остановился, заглянул внутрь и не громко кому-то сказал: «Женщины, там у вас какие-то мужики в сапогах шляются».

– Ну, мать вашу...! – Михеич придиричливо стал осматривать возвращённый костыль. Медсестра, уже стоя, продолжала таращить глаза.

– Ты с Погребняком поосторожней, – сказал уже на улице Антон, – хорошо, если он нас не заметил. Собственное расследование он всё равно будет проводить – я его знаю. А в отчёте генетикам надо писать всё, как было, ничего не утаивая. Впочем, сам, наверное, знаешь. Ведь не первый же раз в операции? Кстати, так зачем ты прибыл в такую рань? Пацан ведь только родился, какие советы и наставления? Ты ведь из «СНА» или...?

– Сёмка.

– Что?

– Семён Молнар родился. Ты запомнил время рождения?

– Да, десять часов, десять минут, двадцать первого июля тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года, – чётко произнёс Антон, – а почему Семён?

– В этом-то вся суть. Мать, ну Лида Молнар, всегда мечтала, что назовёт сына в честь своего отца Францем, а нужен Семён.

– Почему именно Семён? – Недоумевал Антон.

– Предписание в задании от генетиков. Вот я этим и занимаюсь ещё с 1938 года.

– Ничего себе! Ничего не понимаю.

– Комбинация какая-то, я вообще даже и не пытаюсь понять логику наших генетиков. Началось всё в Грозном. Но в отчётах, то, что я тебе рассказываю, ты не пиши.

– Само собой.

– В класс, где училась Катя, старшая сестра Лиды Молнар, пришёл мальчишка Семён Игнаточкин.

– Извини, Молнар – это девичья или по мужу?

– По мужу. Депортированный немец. Девичью фамилию я не знаю. Знаю, что отец у них кажется венгр по национальности. Ещё в первую мировую войну в плен попал. Так и остался.

– Ну ладно, и что?

– Задача была подружить этого Семёна и Катерину. Ну, – это задачка для начинающих. После школы Семён поступил в Одесскую мореходку – всю жизнь о море мечтал. Кстати, куда мы идём?

– Поживёшь пока у меня, я комнату снимаю в Ладейке, с хозяйкой договорюсь. Диван старенький, но вполне приличный. Надо кое-что обсудить. Ты вообще кто по этой жизни?

– По второму образованию естественник. Физику с математикой в одесской школе преподавал.

– А по первому?

– По первому – инженер.

– Ну-ну, дальше?

– А ты кто по жизни?

– Я – местный опер. Во время войны гонялся здесь за «Чёрной кошкой»...

– Я слышал, что это московские дела.

– Да этих «чёрных кошек» во всех мало-мальски больших городах России полно было.

Ну, дальше что?

– А дальше война. Катя с родственниками была эвакуирована в Сибирь. Семён погиб в сорок втором на подводной лодке. Теперь новорожденного надо Семёном назвать в честь погибшего. Это не сложно.

– Хочешь сказать, что весь сыр-бор только ради имени новорожденного? – ухмыльнулся Антон, – неужели надо было такую карусель затевать.

– Операцию наверху разрабатывали и одобряли. Поди разберись, что там у них за комбинации...

– Может и войну ради этого затеяли? – подначивал Антон.

– Нет. Война – это слишком. Это же один из многих возможных сценариев.

– Ну, вот и пришли.

* * *

В это время в кабинете главврача шли разборки.

– ... ведь чудом мальчик остался живой, – распекала всех Валентина Ивановна, – кто делал амниотомию^{*)}?

– Ольга Николаевна, – оправдывалась дежурная медсестра Вера, – ей же профессор приказал.

– Вы что, все с ума посходили? Какой профессор у нас и среди ночи?

– Из горбольницы. Очередную роженицу привезли и он с ними приехал.

– Как фамилия профессора?

– Да не помню я. Чудная такая.

В этот момент дверь с шумом распахнулась и на пороге показалась молоденькая девушка в белом халате и сбившейся набок косынке.

– Валентина Ивановна, – с криком ворвалась девушка в косынке, – Погребняк этот пришёл в себя, схватил свои документы и убежал. Михеич костылём хотел его остановить, так он так его толкнул, что костыль вылетел и чуть стекло в регистратуре не вышиб.

– Во! Фамилия профессора была Погребняк!

*) – Амниотомия – преждевременное искусственное вскрытие родового пузыря.

Глава 2.

«Собакина речка»

«Старею», – думал Погребняк, сидя у себя в комнате, которую он снимал в одном из барачков четвёртого участка. Бараки были государственные, но, имея удостоверение МГБ, это было сделать не трудно. Уже пришёл циркуляр ЦЦ, чтобы предоставить отчёт об эпизоде, который случился 21 июля в пятом роддоме. Отчёт писать не хотелось и не только потому, что это был первый провал за многие-многое годы (в работе Погребняка случались недоработки, промашки и прочие трудности, но полного провала никогда не было), а ещё и потому, что Демьян не понимал, как это могло вообще произойти. Он помнил, что склонился к кровати новорожденного, читая бирку с фамилией, и вдруг – темнота. А очнулся он в орденаторской, в компании какой-то девчонки-медсестры. На следующий день он провёл негласное расследование. Медсестры ничего конкретного не сказали. Мужик-привратник вообще ничего не знал – не его была смена. Больше всего его смутил приличный желвак у основания шеи за ухом, да след на запястье, как от наручников, но он быстро сошёл. Этому объяснений не было, но в отчёте об этом утаивать нельзя.

По термометру (так называли между собой служащие «ДНА» шкалу И-Л), индекс операции на данном этапе был максимальным: плюс – десять, минус – ноль, по десятибальной градации.

Да и кого было искушать на данном этапе? Не новорожденного же? И вдруг такой прокол. Почему? «Да, старею. Надо бы помощника попросить, – думал Погребняк, – не всё же самому, как пацану по заборам лазить».

Он продолжал вести слежку за объектом. Ничего особенного не происходило. Семья Молнаров проживала недалеко от Погребняка, на седьмом участке. Мальчишку возили в коляске то мать, то бабушка. Ходили к приходу Мотани встречать отца, который работал на ТЭЦ-1 мастером стройцеха. Сама Лидия Молнар работала в заводской поликлинике на 32-м заводе. Никто ими не интересовался. В общем ситуация была совсем непонятная.

Отчёт Погребняк отправил точно в срок, а в приложении написал записку с просьбой прислать помощника.

** * **

Пан Гренек был трижды обрусевший поляк. Сам он ненавязчиво распространял слухок будто является потомком одного из декабристов, сосланных когда-то в Сибирь. За несколько поколений его предков фамилия трансформировалась из Гренека в Грелкина. Имя Збышек и вовсе превратилась в Пыжика. Отпрыска своего он назвал в честь деда – Себастьян. Пьяный писарь при сельсовете, хорошо зная Грелкина, в книге регистрации так и записал, мол, наречён новорожденный Грелкиным Бастионом Пыжиковичем. Потом, когда пора пришла получить паспорт, Бастион был заменён на Себастьяна, ну а фамилию и отчество трогать уж не стали.

На четвёртый участок Грелкин прибыл в 1958 году (последний год существования Мотани). Само его появление в бараке, где обосновался Погребняк, наделало немало шума. Дело в том, что явился он в обличи какого-то английского джентльмена перед конной прогулкой. На нём были бриджи, в какую-то крупную жёлто-зелёную клетку. Сапоги и куртка были из оранжевой тонкой кожи. А на голове пыл кепи с помпоном. Да ещё в лайковых перчатках и с папкой под мышкой. Подыскивая себе комнату, Погребняк выбрал её в самом конце длинного коридора, мотивируя свой поступок тем, чтобы пореже шастал народ под дверями его обители. В какой комнате искать шефа Грелкин не знал поэтому, войдя в коридор нужного барака, стал стучаться во все подряд двери пока не добрался до последней.

Погребняк сразу даже и не сообразил, что прибыл для него помощник из Центра. И даже дар речи потерял, когда вновь прибывший отрекомендовался: Себастьяном Пыжиковичем.

– А что же сам Пыжик не соизволил?

– Батя уж почил, а руководство решило, что возраст 25 лет самый подходящий соразмерно для помощника операции.

– Инструкции? – кратко и без лишних церемоний спросил Погребняк.

– Яволь, – почему-то по-немецки вытянулся Грелкин и движением фокусника выхватил какой-то лист из папки.

– Отставить немецкий, – Погребняк продолжал придирчиво осматривать вошедшего. – Сегодня же переодеться и устроиться с жильём где-нибудь поблизости, но не на четвёртом участке. Потом прибыть для дальнейших полученных распоряжений. – И только потом глянул в листок, который подал ему Грелкин. Тот по-солдатски развернулся и оставил Погребняка одного. В листке была только одна фраза: «Предлагается снизить уровень операции по шкале И-Л +9 – -1». И как положено знакомые подписи и печати.

В тот же вечер Себастьян Пыжикович вновь предстал перед очами своего шефа уже в новом обличи. На нём были тёмненькие брючки в тонкую жилку. Напуском обрушиваясь на

кирзовые старенькие, но до блеска начищенные сапоги, слегка замазанная телогрейка и при-
блатнённая кепочка. Погребняк долго и придирчиво его рассматривал, потом приказал сбрить
тоненькие усики и присесть на табурет.

Инструкция была краткой. Вести негласное наблюдение за объектом 2107-1954. В слу-
чае обнаружения непонятных действий вокруг объекта доложить немедленно. Приступить к
разработке операции согласно предписываемому уровню градации +9 – -1 по известной шкале.
Грелкин исчез и не показывался больше года.

Сейчас Погребняк сидел у себя в комнате и держал в руках несколько страниц, исписан-
ных убористым почерком. В описании был план операции, которая была озаглавлена «Соба-
кина речка». Оказывается под Красноярском действительно была такая речка. О её суще-
ствовании Погребняк даже и не догадывался. Сам автор проекта находился здесь же и
тихонько сидел у стола.

– Долго сочинял? – Поднял глаза Погребняк на своего подчинённого. Того аж в пот бро-
сило от такого взгляда.

– Полгода старался, Демьян Онуфриевич, – он стал путаться в непривычном отчестве.

– Обращайся просто: «шеф» или «патрон», как сочтётся уместным в данный момент.

– Слушаюсь, шеф.

– Много накрутил. Операция, вижусь, предполагается многоходовой. Что будем иметь в
результате таких действий?

– Я думаю, что объект будет оторван от своей семьи на несколько месяцев, может
быть – на полгода соразмерно. У нас будет больше возможности выяснить, существует ли
противная сторона и больше возможность заняться самим объектом 2107-1954.

– Противная сторона существует, иначе и быть не может, ладно, действуй, но я дол-
жен знать каждый твой шаг. Больше хладнокровия и рассудительности. Ступай и время как
раз подходящее. Ночью до минус десяти доходит.

– Слушаюсь, шеф, – вскочил из-за стола Грелкин.

– Иди уже, да смотри, не перестарайся, – Погребняк постукал маслястым кулаком по
краю стола.

С некоторого времени Антон стал замечать, что-то необычное рядом с объектом
2107-1954, которого в этой брэнной жизни звали Смён Молнар, а сейчас – просто Сенька
или Сёмка, кому как больше нравилось, потому, что этим летом ему стукнуло всего пять
лет. Востриков точно предсказал, что его нарекут именно этим именем в честь погибшего
моряка. Сам Востриков куда-то исчез и не подавал никаких о себе известий, которые бы как-
то характеризовали его присутствие в этой операции. А между тем именно сейчас Антону
понадобилась его помощь. Дело в том, что уже дважды рядом с маленьким Семёном мелькнул
и исчез один и тот же человек, которого не должно вдруг появиться. А кто он был Антону
выяснить не удалось. Мелькнул и исчез. И если бы один раз – это могло быть просто случай-
ностью. Но вот он появляется и второй раз и тоже, как одно мгновение. Появился и исчез.
И это был не Погребняк, а какой-то молодой пацан. Ничем не приметный. Разве что уши
оттопырены больше обычного. У Бережного была фотографическая память и этого чело-
века в ней не было.

* * *

Прямо посреди двора дома № 2 по улице «Центральный проезд» находился фонтан. Кто,
когда и зачем его построил было неизвестно. А скорее всего его просто не достроили, так как
фонтан только назывался фонтаном и как фонтан никогда не функционировал. Естественные
осадки, порой, наполняли фонтан почти до половины, но потом дожди прекращались и фонтан
снова пересыхал. По плану Грелкина именно фонтан должен быть ключевым предметом в его

операции. Сегодня ночью его надо было заполнить водой до краёв. Ещё накануне он договорился с водителем поливальной машины, что попользуется ей этой ночью. Водитель не интересовался, зачем это понадобилось Грелкину и согласился не загонять с вечера свою машину в гараж, а поставить в переулке. И за эту услугу попросил не дорого – всего литр водки. Вечер был морозный и тёмный, и местные бабушки уже к десяти часам вечера разошлись по своим домам. Вдобавок ко всему – это была среда, то есть будний день. Себастьян пригнал машину во двор без хлопот. Пристроил сливной шланг в фонтан и открыл задвижку. К его удивлению вода вытекла довольно быстро, а фонтан практически и не заполнился. Надо было делать вторую ходку, но сначала надо было залить цистерну заново. Это было неожиданным препятствием к осуществлению задуманного. Грелкин понимал, что надо искать кран, где заправляется водой паровоз Мотаня. И такой кран нашёлся, правда ехать до него надо было минут двадцать. Только во втором часу ночи, после четвертой ходки ему удалось наполнить фонтан водой до краёв. Каждый раз, возвращаясь к фонтану, Грелкин подмечал, что процесс замерзания воды идёт полным ходом. В центр фонтана он бросил кусок деревянного ящика, чтобы тот послужил объёмом для кристаллизации воды, которая замерзала очень быстро.

В комнате, которую снимал Грелкин одна стена являлась печным дымоходом и, расположившись поспать около стены, Себастьян наконец отогрелся за все те часы, что провёл ночью на морозе. «Чуть руки не отморозил», – ворчал он в пол голоса, укладываясь спать. Мелькнула мысль: «...а не выпить ли водки?». Но он быстро её отогнал. Завтрешнее утро было самым ответственным. То, что Семён выйдет из дому – он не сомневался. И то, что ему удастся заинтересовать его фонтаном тоже не сомневался. Но вдруг он будет с сестрой или, того хуже, с бабкой? А если пацаны-друзья прицепятся?. Но это будет завтра. Главное не проспать.

Проснуться Грелкин от шума, который доносился из-за стены и, даже не взглянув на часы, понял, что проспал. Был уже десятый час.

До двора, где был фонтан, было минут двенадцать ходьбы. Грелкин преодолел это расстояние, наверное, минуты за три. Утренний туман ещё окончательно не развеялся и в воздухе чувствовался мороз градусов под двадцать. Двор был ещё пуст. Грелкин направился к фонтану и обалдел, увидев, что он тут сотворил прошлой ночью. С краёв фонтана спадали потоки замёрзшей воды, а вся гладь самого фонтана поблёскивала и искрилась ледяной гладью. С трудом подобравшись к краю фонтана он понял, что лёд капитально сковал водную поверхность и выдержит приличный вес человека.

В это время хлопнула дверь подъезда и на крыльце показался одетый по-зимнему Семён. У Грелкина часто забилось сердце. Семёна уговаривать не пришлось – он напрямком направился к фонтану.

– Вот это да! – вырвалось у Семёна, когда он подошёл к фонтану.

– Привет, красота-то какая. Поможешь вон ту доску вытащить? – надо было форсировать события и Себастьян сразу попытался овладеть ситуацией.

– Вон ту, – показал Грелкин на центр фонтана. И тут же понял, что никакой доски там и нет. Вернее он знал, что она там есть, но в замёрзшей воде, под слоем инея ничего невозможно было увидеть.

– Доска там лежит, ... хорошая, ... от ящика.

– Не вижу, – сказал Семён, взглянув в фонтан и руковичкой расчищая ледовую поверхность у края фонтана.

– В центре она, инеем прикрыта.

– А под лёд провалюсь...?

– Да он меня выдержит, не то, что тебя.

Семён неуверенно влез на обледеневший фонтан. Под ногами чувствовалась твердь. Неуверенно сделал небольшой шаг. Он знал, что глубина фонтана небольшая. Утонуть невозможно, но и в воду проваливаться на морозе не хотелось.

– Ну, молодец, – подбадривал Грелкин, – ботинком поскреби по льду, там она (имея в виду доску), – показывал пальцем Грелкин.

Семён забыл уже все страхи и притопывал, ходя туда-сюда вокруг центра фонтана.

– Ну, боже ты мой, – Грелкин, забыв, что и сам может провалиться, тоже полез в фонтан., – вот же она, здесь. – И Грелкин отчаянно топнул сапогом. Раздался треск и лёд разверзся под обоими. Грелкин по пояс скрылся под водой, почувствовав, что треснул задом обо что-то твёрдое. Семёна он увлёк за собой почти полностью погрузив его в воду. Хватаясь за обломки льда они наконец достигли края фонтана.

– Ну, как ты, цел? – Грелкин делал вид, что стряхивает воду с одежды, а сам прижимал промокшее пальто к телу трясущегося ребёнка.

– Ты что же это делаешь, гад! Ребёнка хотел утопить в ледяной воде, – какая-то тётка налетела вдруг на Грелкина, охаживая его своей сумкой.

– Да, спасал я, ... – ретировался Грелкин.

– Мальчик, ты где живёшь?

Семён показал мокрой варежкой в сторону своего подъезда.

– Домой беги, – продолжала кричать тётка, при этом не прекращая нападать на Себастьяна. Вся компания двинулась к подъезду, где жили Молнары. Семён первым открыл входную дверь и стал подниматься по ступеням. Грелкин войдя в подъезд пошёл не вверх по лестнице, а рванул подвальную дверь и тут же оказался в коридоре барака, где жил Погребняк. Неугомонная баба продолжала месить его своей сумкой, стараясь врезать прямо по кепке. В таком виде они и ввалились в комнату Погребняка. Тот сидел на кровати у окна и что-то читал.

– Шеф, да не хотел я...

– Скотина, – неунималась вошедшая в раж баба.

– Ребёнка спасли? – рявкнул Погребняк, – ступайте, гражданка, разберёмся. Дверь за тёткой хлопнула и в этот момент Грелкин ощутил крепкую по шее затрещину. Очнулся он сидя в луже воды с кепкой в руках.

– Коридоры за собой надобно закрывать, – Погребняк сидел, как ни в чём не бывало, по-прежнему на кровати у окна, – логарифм тебе в ж. ..., чтобы завтра же купил логарифмическую линейку и без расчётов к делу не приступал. Отчёт напишешь в подробностях.

– Слушаюсь, Шеу, – не своим голосом промычал Грелкин, – я извиняюсь, а где её покупают?

– Кого?

– Ну, ... в жо..., которую.

* * *

Катя Сидорчук, пробежав по инерции целый квартал по Красрабу^{*)}, вдруг сообразила, что идёт в сторону к седьмому участку со стороны четвёртого участка. Причём, в сумке у неё бренчат осколки поллитровки, которую она несла для покупки масла в гастрономе, который расположен в доме номер 42 по Красрабу. Каким-то непостижимым образом она переместилась из подвала дома номер 2 по Центральному проезду на седьмом участке в барак на четвёртом участке. Первым порывом было желание вернуться в тот барак, где она только что была, приследуя преступника, пытавшегося утопить ребёнка в водах фонтана, но какое-то шестое чувство подсказывало ей, что этого делать не следует и для начала она решила побывать снова около фонтана.

Неспокойно было на душе у Бережного и около десяти часов утра он отправился по месту жительства объекта за номером 2107-1954. Войдя во двор, он осмотрелся. Вроде ничего необычного во дворе не происходило, но в центре двора его внимание привлёк фонтан. Он был весь заполнен водой, которая уже успела замёрзнуть до появления ледовой корки. Но самое

интересное, что эта ледовая корка оказалась непостижимым образом разворочена, как будто в центре фонтана произошёл взрыв. Он оглянулся, ища глазами свидетеля происшествия на фонтане. Здесь на него и налетела Екатерина Сидорчук.

– Ищите кого-то? – Произнесла она запыхавшись.

– Оперуполномоченный капитан Бережной, Антон Харитонович, – отрекомендовался Бережной, – ищу свидетелей, кто бы мог рассказать, что здесь произошло?

– Я, ... я ... я – и свидетель, и участник ... всё видела... Хоть он и говорил, что спасает мальчишку, ... топил он его. А меня увидел и стал из себя спасителя строить... – затараторила Сидорчук, размахивая сумкой, в которой что-то позвякивало.

– Так, спокойно, гражданка. Давайте всё по порядку.

И Екатерина, как могла, сбиваясь и перескакивая с одного на другое, рассказала о событиях этого загадочного утра, при этом демонстрируя осколки поллитровки в своей сумке. Антон понял всё с полуслова, но всё равно всё тщательно записал в свой блокнот. Посоветовал Сидорчук не беспокоиться и обещал во всём разобраться. При этом они вместе проследовали в магазин, где Бережной, показывая своё милицейское удостоверение, приказал продавщице отпустить масло в магазинную тару и деньги за тару не брать. Успокоенная Сидорчук отправилась домой, обещая милиционеру всё сохранить в тайне.

*) – Красраб – бытовое название проспекта «имени газеты Красноярский Рабочий».

Примерно через час Бережной побывал в квартире Молнаров, но уже без официального визита, а в тонком теле. Баба Лена – бабушка маленького Семёна – была в предынфарктном состоянии, но внук был переодет и, как ни в чём не бывало, беззаботно носился по квартире. На улицу его больше не пустили – верхнее пальто было мокрым, как и ботинки с варежками.

Это немного успокоило Бережного.

Из того описания, которое он получил от Сидорчук, он понимал, что это уже был третий случай, когда на сцене возник неизвестный и это, видимо, было неспроста. Об этом надо было поразмыслить. Но сначала требовалось побывать на четвёртом участке.

Баракы четвёртого участка располагались ровными рядами. Действительно, в одном из барачков нашлась комната, которая никому не принадлежала. Антон понимал, что Погребняк – это не тот человек, который оставляет следы. «Неужели он попросил помощника?, – думал Антон, пытаясь понять произошедшие события, – или ему навязали стажёра?». Случайный человек не вписывался в эти рассуждения – появившийся мог быть только человеком из ЦЦ. Задать напрямую вопрос в Центр было невозможно – операции отделов не должны каким-то, пусть даже косвенным образом, влиять на работу друг друга. Отчёты стекались в отделе генетики, а уж, что там с ними делали, как анализировали – это уже никого не касалось. Ещё не известно, как отреагируют наверху на связь их с Востриковым. Может быть потому он и исчез?

* * *

К ночи Семёну стало совсем худо. Лида напоила его молоком с мёдом, закутала поплотнее и уложила спать. Бережной проник в квартиру Молнаров во втором часу ночи. Все спали, как убитые. Зависнув над кроватью Семёна он вдруг не обнаружил элетромагнитное поле тонкого тела. Выбора не было. Срочно надо было будить взрослых.

Что-то тревожное разбудило бабу Лену. Она надвинула шлёпанцы и подошла к кровати внука, потом, спотыкаясь, бросилась в комнату дочери.

– Лида, Лида, – зашептала она, склонившись над спящей, – Лида, вставай скорее, наш удалой кажись не дышит!

Лиду подбросило с кровати, как пружиной. Мальчик действительно не дышал.

– Чай заваривай, – крикнула она матери и принялась делать искусственное дыхание, – крепкий.

Уже после первых уверенных движений мальчик вновь задышал. Его заставили сделать несколько глотков крепкого чая и стали обкладывать бутылками с горячей водой, так как грелок не было. Ещё через несколько минут, убедившись, что ребёнку ничего не угрожает и сердце колотится, как у загнанного кролика, Лида бросилась искать среди ночи детского участкового врача.

Бережной не стал дожидаться продолжения событий и удалился домой. Вся эта история и с фонтоном, и ночной остановкой сердца не могла быть простой случайностью. Но уж больно хитро была спланирована операция. Не давало покоя и отсутствие Вострикова, хотя для всей операции его присутствие вроде бы как и не требовалось – он ведь был из «СНА».

На следующий день Семёна проложили в больницу с диагнозом бронхаденит. Остановку сердца квалифицировали, как следствие высокой температуры.

Три недели Бенрежной негласно приглядывал за ребёнком, но никаких замеченных необычностей не происходило. Через три недели Семён был выписан и для дальнейшего укрепления здоровья его отправили на полгода в туберкулёзный диспансер на «Собакиной речке» под Красноярском. Из событий этого бесконечного пребывания вне своей семьи маленький Семён запомнил только самые яркие случаи.

Семёну сказали, что какое-то время ему надо будет жить в этом доме среди таких же ребяташек как и он, но без родителей, мол, они будут приезжать. Но на самом деле родителям категорически запрещалось навещать своих детей. Сначала отобрали все игрушки, которые Семён привёз с собой – игрушки здесь были общими. Потом закрылась дверь за родителями. Семён не хотел оставаться, он рвался, кричал и плакал, но его крепко держали. Раздеваясь перед сном, он вдруг обнаружил, что в одном из карманов его штанов лежит маленькая машинка – чёрный «зим». Она была такая маленькая, что умещалась полностью в маленьком кулачке Семёна, как большой чёрный таракан. Раздеваясь он незаметно перекладывал машинку под свою подушку, а, когда наступала тишина и все спали, тихонько вытаскивал её и катал по подушке. Утром он проверял на месте ли машинка и во время подъёма незаметно перекладывал её в карман своих штанов. Машинка – это была единственная частица-воспоминание о жизни в семье.

Каждое утро начиналось с построения. Ещё без верхней одежды в одних трусах и майках все ребяташки выстраивались в шеренгу. Две медсестры шли вдоль строя, держа в руках: одна – толстую бутылку и столовую ложку, другая – пук ваты. Подходя к очередному ребёнку, тот должен был широко открыть рот и проглотить содержимое столовой ложки, которое ему вливали первая медсестра. Вторая следила, чтобы жидкость была проглочена и кусочком ваты вытирала губы. Это был рыбий жир. Это было ужасно, но избежать этого не было никакой возможности.

После завтрака всех повели гулять. И тут Семён вдруг заметил, что откуда-то появились дети, котрых не вывели на прогулку, а привезли. Одних привезли в креслах каталках, а других и вовсе – в кроватях на колёсиках. На этих ребяташек даже страшно было смотреть и Семён старался не смотреть в ту сторону, где катали таких ребяташек.

И ещё Семёну запомнился весенний день, когда прилетал самолёт и сбрасывал бомбы на Енисей – там взрывали лёд. А через несколько дней лёд начал двигаться по реке.

А однажды, когда уже было тепло по-летнему, к нему подошла медсестра и сказала: «Приехали твои родители». С горки спускались папа и мама, а на верху склона стояла белая «Волга». И Семён вдруг вспомнил, что привозили его на «Победу» светло-коричневого цвета. Он тут же засунул руку в карман – маленький «зим» был на месте.

* * *

Иван Николаевич был местным мужиком, то есть, проживал здесь же в совхозе «Удачный». Работал он дворником в туберкулёзном диспансере в лесу, в двух километрах от совхоза. Однажды поздней осенью в его дом постучались. Мужик, который пришёл к Ивану Николаевичу предложил ему оплачиваемый отпуск на пол года. Ничего не понявший Иван Николаевич стал было отказываться от такого непонятого предложения, но увидев живые деньги махнул рукой и согласился. На следующий день в диспансере появился новый дворник. Он сразу всем понравился, особенно детям. По существу, дворник выполнял две функции. Одну прямую обязанность дворника, а, так как посторонним на территорию диспансера вход был запрещён, то второй обязанностью была функция охранника. Территория диспансера была обнесена металлическим забором, который в некоторых местах можно было и перелезть, поэтому Харитоныч – так звали нового дворника – присматривал за такими местами. Собственно, вокруг диспансера был с трёх сторон лес, а с четвёртой – Енисей и посторонние здесь не шастали. Всего только раз на территорию хотели попытаться проникнуть туристы, которым лень было обходить диспансер кругом. Но Харитоныч их быстро развернул в обратную сторону. Главные ворота днём были открыты, так как могла приехать машина с продуктами или по какой-то медицинской надобности, но Харитоныч был уверен, что непрошенный гость когда-нибудь явится и он его дождался.

Расчищая дорогу от снега Харитоныч заметил человека, который, неуверенно озираясь, вошёл в ворота и направился по расчищенной от снега дорожке.

– Куда направляетесь, товарищ? – окликнул его Харитоныч, – ищите кого или по другой какой надобности?

– Папаша, продолжай чистить снег, – не очень приветливо ответил пришелец, – сам разберусь. И намеревался обойти Харитоныча, который встал поперёк дороги с лопатой для уборки снега наизготовку.

– Мужик, не буди во мне зверя, – оглянулся по сторонам пришедший.

Улучив момент Харитоныч огрел его лопатой по спине, да так удачно, что сшиб с ног. Мужик был обут в сапоги, а не в валенки и на скользкой дороге держался не уверенно. Когда он поднялся, то к своему изумлению увидел, что двоник стоит, держа лопату под мышкой, а правой рукой направляет на непрошенного гостя наган.

– Ты чего, мужик, я ведь только спросить, – захлопал глазами и пятясь задом забормотал пришедший.

– Выйди за ворота, – махнул на него наганом Харитоныч, – оттуда и спрашивай.

Пришлый поправил кепку и покинул территорию диспансера. Выйдя за ворота, он ничего не стал спрашивать, а направился в сторону совхоза. Это был тот, которого поджидал здесь Харитоныч. Он узнал его по описанию.

В следующий раз Харитоныч поймал его на заборе. Неугомонный уже сидел на вершине, собираясь с забора спрыгнуть, когда заметил, что неподалёку стоит Харитоныч с наганом и спокойно за ним наблюдает.

– Спрыгнешь, пристрелю, как бешеного пса и в Енисей положу рыбам на съеденье. Понятно?

Сидящий на заборе понимающе кивнул и исчез. Был и третий случай. Настырный сидел в кабине грузовика на месте пассажира, который привёз дрова из совхоза. Увидев, что из ворот диспансера вышел всё то же Харитоныч, он как ужаленный выскочил из кабины и кинулся в лес не разбирая дороги.

* * *

– Хорошо начинал, вижу – купил наконец логарифмическую линейку, – говорил Погребняк, стоявшему перед ним вытянувшись, как по струнке, Грелкину, – но в конечном-то итоге толком ничего не завершил.

– Я линейку ещё не купил, только соразмерно присмотрел, – начал заискивающим тоном Пыжикович, – сторож там, ну просто зверь какой-то. Каждый раз как будто выслеживал меня. Куда не сунься, а уж он там. И взгляд страшный. Точно – пристрелить мог.

– И правильно б сделал. Другого бы помощника прислали потолковей, а теперь, что в отчёте писать? Стоишь, плечами пожимаешь...

– Сейчас он в детский садик пойдёт. Поправим операцию.

– Напиши мне подробный рапорт об этом стороже, что-то он мне не нравится.

* * *

На днях у киоска на седьмом участке Бережной встретил дядю Колю Гришенкова. Несмотря на то, что его почти всегда можно было встретить на таких точках, на службе его ценили. Он был грамотным расчётчиком и практически никогда не расставался со своей маленькой логарифмической линейкой, которая всегда выглядывала из нагрудного кармана дяди Коли, не важно – был ли он в пиджаке, куртке или рубашке. Поговаривали, что дядя Коля свою логарифмическую линейку как-то даже модернизировал под себя.

– Привет, Антон, присоединяйся, – с улыбкой на лице пригласил дядя Коля к столику.

– Нет, дядя Коля, в следующий раз. Ты, что грустный?

– Да инструмент мой главный где-то посеял.

– Может спёр кто?

– Да кому он нужен?

Глава 3.

Прикосновение к чуду.

В детский сад Семён ходил с удовольствием. Во-первых, от дома не далеко, во-вторых, все пацаны из двора, где жил Семён, тоже ходили в этот детсад. Вся территория детсада была обнесена забором, составленным из больших, вкопанных в землю, бетонных плит. В верхней части плит располагались круглые отверстия в виде маленьких иллюминаторов. Пролететь через такой иллюминатор было невозможно, но заглянуть в него было вполне удобно, так как были эти иллюминаторы примерно на высоте полутора метров.

В этот раз решили после обеда поиграть в прятки. Все прятались, а один искал. Кого найдут последним, тот ищет в новой игре. У Семёна с Олегом были свои ходы. Практически весь периметр вдоль забора был заросший непроходимым кустарником. Только посвящённый знал тайные тропы. В одну из таких нор и скрылись наши друзья. Какого же было их удивление, когда в конце тропы, практически у самого забора, они вдруг наткнулись на незнакомого человека. Человек сидел на перевернутом пивном ящике, спиной прислонясь к забору, и что-то вкусно ел.

– Привет, пацаны, – дожёвывая сказал незнакомый и приподнял кепку, – в прятки играете?

– Здравссьте. – Олег и Семён в нерешительности остановились перед неизвестным. Такое было впервые, да и дядька был незнакомый. «Кепка» мелькнуло в голове у Семёна, но он тут же об этом забыл.

– А я вот грибы собираю. Знатные у вас тут растут грибы. Это редкие грибы. Их можно есть сырыми и они полезные, – важно поднял вверх указательный палец незнакомец.

Только тут Семён и Олег заметили, что в ногах грибника стоит лукошко, почти до верха наполненное грибами. Мужик кашлянул, взял из лукошка гриб и тут же принялся его есть.

– Угощайтесь, это вкусно.

Пацаны нерешительно взяли из корзинки по одному грибу. Гриб необычно, но в общем-то приятно пах.

– Грызите, вкусно ведь..., – мужик дожевал свой гриб и достал из лукошка новый. Олег и Семён, как загипнотезированные откусили от своих грибов и начали их неуверенно прожёвывать.

– Ну, а я что говорил, – подбадривал грибник, – берите ещё, в игре силы потребуются.

– Побежим, а? – предложил Олег, – ищут нас, – сказал он обращаясь к грибнику. И мальчишки стали пробираться дальше своими тропами.

– Вы пошуйте, их здесь много по кустам, – крикнул им в след незнакомец.

Из всего времени, что посещал Семён детский сад, ярко запомнилось ему всего два или три эпизода. Это, когда он умудрился лизнуть на морозе водопроводный кран в углу детсада, который летом служил для поливки клумб. Воспитательнице пришлось поливать на язык тёплой водой из чайника пока язык не отлип. Сам Семён отлипиться от крана никак не мог.

Очень запомнилась модель большой железной дороги. Там был всего один пассажирский вагон и один паровоз. Но какие они были большие и сделаны совсем, как настоящие. Конечно, были и рельсы для паровоза и вагона. Кто её принёс неизвестно. Но железная дорога тут же исчезла и Семён видел её всего один раз.

Запомнился и случай, когда ребяташки играли в мяч. Мяч упал на землю и прикатился к Семёну. Семён не стал его поднимать, а стал толкать мяч ногами и никто не мог мяч у него отобрать. Возможно – это был первый случай, когда Семён стал играть с мячом ногами. А потом уже был футбол.

Ну и, конечно, запомнился случай отравления грибами.

Ближе к трём часам, когда в детском саду по расписанию наступал тихий час, ко входу в детсад подкатила скорая помощь – «ГАЗ-51» с белой будкой и красным крестом на боку. «Сработало», – прошептал Грелкин, выглядывая из-за угла бетонного забора детского сада. Из машины вылезли двое в белых халатах с маленькими чемоданчиками и вошли в детсад. Влекомый непонятной силой и воровато оглядываясь, Грелкин приблизился к автомобилю и попытался заглянуть в боковое окно. Но окно плотно было закрыто изнутри белой шторкой. Тогда он попытался заглянуть в окна задних дверей, которые тоже были зашторены белым. В надежде, что-нибудь увидеть в щелочку, он почти вплотную приблизил своё лицо к окну двери. В это же мгновение шторка отдернулась и вопль ужаса комком стал поперёк горла любопытного Грелкина. Из окна на него смотрело ухмыляющееся лицо сторожа Харитоныча. Чисто инстинктивно, почти теряя сознание, Грелкин развернулся, в надежде унести ноги, но дверь машины так резко распахнулась, что незадачливый практикант получил ощутимый толчок в зад и упал на четвереньки. Прямо из машины вытянулась, как показалось Грелкину, невообразимо длинная рука, прикрытая грязным белым рукавом и, крепко ухватив беглеца за шиворот, одним движением втащила последнего в машину. Двери тут же с лязгом захлопнулись.

Сторож Харитоныч усадил Грелкина напротив себя и нарастяжку пропел: «Кушать подано». При этом из под лавки появилась на свет собственная же Грелкина корзинка с грибами. А из правого кармана халата был извлечён старенький наган.

– Ну, друг сердешный, чем быстрее ты это сожрёшь, тем быстрее вылезешь из этой машины. А то ведь прямо на ней тебя в морг и доставят. Хотя проще, наверное, тебя здесь же и пристрелить, – Харитоныч вопросительно посмотрел на Грелкина.

Пока он произносил свою вдохновенную речь, Грелкин принялся уминать грибы из лукошка.

– Не просыпь, а то с полу будешь трескать.

Буквально за несколько минут Грелкин слопал все грибы из лукошка. Получил пинка от Харитоныча и с напутствием: «беги до двадцатки^{*)} – там ждёт тебя ведёрная клизьма по самые бакенбарды», – кинулся на все четыре стороны со стоном: «за что мне всё это?».

Добравшись вечером до своего коттеджа, где они с Погребняком снимали по комнате, Грелкина ждал ещё один удар. Зайдя в комнату и включив свет он увидел за столом сидящего Погребняка.

– *И за что мне всё это, – начал разговор Погребняк словами самого Грелкина, – учишь дурака, учишь... Это что – логарифмическая линейка? – Погребняк взял со стола какой-то предмет длиной не больше карандаша. – Что ты на ней можешь просчитать? Ни одного деления не видно.*

– *Люди пользуются соразмерно... – развёл руками, стоявший у порога Грелкин.*

– *Слушай, Бастион, – продолжал Погребняк.*

– *Себастьян, – робко поправил Грелкин.*

– *Не перебивай! Басти (обычно так представлялся сам Грелкин) – значит Бастион, – сказал Погребняк, – снова провалили операцию, Бастион Пыжикович. В отчёте будет всё доложено.*

^{*)} – Двадцатка – Красноярская больница номер 20

* * *

Отчёт был отправлен и получен новый циркуляр с предложением работать по уровню «плюс восемь-минус два».

Бережной тоже отправил свой отчёт и получил новое предписание. В предписании ничего не говорилось о Вострикове и индекс операции оставался на прежнем уровне. Бережной думал, что все службы, которые задействованы по этому делу работают по одной шкале и на одном уровне и здесь он ошибался.

Он думал, что противная сторона работает по уровню плюс девять, а то и плюс десять и никак не меньше. Логика появления Грелкина тоже не просматривалась. Бережной решил начать собственные исследования, чтобы хоть как-то прояснить для себя задачу всей операции, хотя это и не входило в его обязанности, да и в обязанности всего отдела «СС».

Пока зацепиться было не за что. Единственная зацепка – это национальность. Два деда объекта 2107-1954 были: немец по отцу и венгр, как говорил Востриков, по матери. Одна бабка была немкой, другая русской. В дополнение к отчёту Бережной послал запрос в информационный отдел. Суть запроса сводилась к одному: «Где (в чём) пересекаются национальности: немецкая, венгерская и русская? Область рассмотрения: политика, наука, религия.»

* * *

В первый класс Семён отправился с интересом. Вместо будничной одежды – новая форма, фуражка с кокардой, новенький портфель (ранец и форменный ремень купить не удалось). Да и почти все друзья по детскому саду тоже пошли в «пятнадцатую» школу. Олег пошёл в «сорок восьмую», – там работали его мама и бабушка.

После первого же дня занятий всем было дано задание: на следующий день иметь при себе перочистки. Наверное их где-то можно было купить, но мама сказала, что сделает перочистку сама. Что такое перочистка? Это несколько тряпочек, которые имеют одинаковую величину круга, сшитые в центре между собой. Перочистка получилась красивая – толстенькая и разноцветная. Семён не стал прятать её в портфель, а аккуратно засунул в карман форменных серых брюк, которые всегда висели на спинке его прикроватного стула.

На следующее утро после завтрака он быстро оделся, подпоясался неформенным ремнём и проверил карманы. Перочистки не было. Обыскали всё на стуле и под стулом. Семён выворачивал карманы, заглянул даже в портфель – вдруг по инерции туда положил. Перочистки нигде не было. Обидно было до слёз. Пришлось в школу идти без перочистки. Вместо неё использовалась просто тряпочка.

Вечером мама сшила вторую перочистку такую же красивую, как и та, которая непонятным образом исчезла. Хорошенько подумав, Семён решил не класть её в портфель, а положить в тот же карман брюк. Брюки висели на прежнем месте, на прежнем стуле. Какого же было удивление Семёна, когда он обнаружил в кармане первую перочистку. Удивлению не было предела. Неужели кто-то мог над ним так пошутить. Но кто? Мама не могла, бабушка тоже, маленькая сестра Вика вряд ли могла всё это придумать. Но перочистки были перед глазами. Вот они лежат на ладони. Они показал их всем своим домашним. Почему-то никто не удивлялся. Нашлась и хорошо. Почему-то никого не интересовал вопрос, а куда она исчезала и каким образом вернулась. Семён решил положить перочистки в разные карманы брюк.

На следующий день он вспомнил про перочистки уже идя в школу. Быстро засунул руку в карман, но перочистку не нашёл. Проверив второй карман, Семён убедился, что и вторая перочистка исчезла. Объяснение было одно – чудеса бывают не только в сказках. Это было открытие. Он всегда любил сказки именно потому, что в них случались чудеса. Герои сказок чудесным образом спасались из страшных и безвыходных ситуаций. Сказочные предметы могли внезапно исчезать и внезапно появляться. И вдруг – это чудо произошло здесь, в жизни Семёна. И все, и мама, и бабушка, и Вика это видели. Да и неважно, что кто-то ещё это видел, важно, что это знал сам Семён. Удивительная штука жизнь, в ней тоже случаются чудеса.

Весь день Семён прожил с ощущением, что чудо пришло к нему. Вот так просто в виде простых перочисток. Но они (перочистки), наверное, и не такие простые, если могут исчезать бесследно. Дома Семён тщательным образом обследовал стул. Он знал, что и в портфеле нет перочисток, но на всякий случай обследовал и портфель. Конечно же, там перочисток не было. Первая перочистка вновь появилась, когда Семён стал прятать в карман брюк вторую перочистку. А какой это был карман: левый или правый? Здесь Семёну показалось, что это очень важно. Ведь брюки можно повесить на стул по-разному. В одном случае правый карман будет ближе к спинке стула, а в другом – ближе левый. Возник вопрос: в какой карман брюк надо положить третью перочистку, когда мама вечером её сошьёт? Что же получается, что волшебные перочистки сшила мама? А может быть брюки волшебные? Семён засунул руку в карман, висевших на стуле брюк. Перочистка была там! Но какая это была перочистка первая или вторая? Вспомнить было трудно. Был проверен и второй карман – там лежала вторая перочистка. Вновь вернулись обе перочистки, но вернулись ли они в те карманы, куда были положены вчера? Это тоже было загадкой. Что же получалось: свечера перочистки были положены в карманы, а утром, когда одевались брюки они исчезали. Или исчезали они ночью, когда один день кончался, а начинался второй. Конечно же, именно так. В сказках всегда именно в двенадцать часов ночи что-то случалось чудесное. Или кто-то исчезал, или кто-то появлялся. А что будет если положить перочистки сейчас и тут же одеть брюки?

Семён оставил одну перочистку на столе, на видном месте, вторую засунул в карман брюк, которые висели на стуле. Потом снял домашние штаны и одел форменные брюки. О чудо – перочистка исчезла! Семён вывернул наизнанку оба кармана. Перочистки не было. У Семёна перехватило дыхание – чудо свершалось на его глазах. Он снова снял брюки и повесил их на стул и тут понял, что не помнит – в какой карман клал перочистку в правый или в левый? Он проверил ближайший к нему карман – перочистки не было. Исчезла навсегда? Но перочистка оказалась в другом кармане. Получалось, что не надо ждать двенадцати часов ночи. Перочистка исчезает, когда натягиваешь брюки, а появляется, когда их снимаешь. Это предположение надо было срочно проверить. Семён снял брюки, повесил их на стул (почему-

то Семёну казалось, что все действия обязательно надо проделывать, как в первый раз) и снова засунул перочистку в карман. Потом снял брюки со стула и стал их одевать, стараясь всё время придерживать то место в кармане, где должна была лежать перочистка. Одев брюки, он вдруг сообразил, что придерживает себя почти за пояс, а не за то место, где находится карман. И тут страшная догадка пришла в голову Семёна. Дело в том, что когда брюки вешаешь на стул карман переворачивается. И в таком положении перочистка попадает не в низ кармана, а в верхнюю его часть. Потом одевается гимнастёрка и подпоясывается ремнём, который зажимает перочистку в верхней части кармана. Загадка была разгадана. Не было никакого чуда. Это грустно было сознавать, но вот ощущение произошедшего чуда, с которым Семён прожил целый день, осталось на всю оставшуюся жизнь. И пусть чудо не случилось сегодня, он всё равно продолжал его ждать каждый день и был готов к его появлению.

На Новый Год родители хотели подарить Семёну паровоз, но такой игрушки найти не удалось, но утром под ёлкой его ждал мотовоз очень похожий на настоящий. Семён знал, что в конце забора, который огораживал тридцать второй завод, были ворота, которые иногда открывались и оттуда выезжал настоящий мотовоз или настоящий паровоз с одним или двумя вагонами. В вагонах возили уголь на маленькую станцию для этого завода.

В семье Молнаров настоящую большую ёлку ставили всегда и всегда ждали деда Мороза. Дед Мороз приходил тайно и всегда почему-то через форточку на кухне. Баба Лена вдруг кричала: «Ой, форточка хлопнула. Ни дед Мороз ли прилетел?».

* * *

Бережной решил не убывать на Новый Год в Центр, а остаться в Красноярске. Пока в деле было всё спокойно, но он решил не расслабляться. Он знал, что ни Погребняка, ни Грелкина в городе нет. Ровно в двенадцать ночи с тридцать первого на первое в дверь его комнаты постучали. Антон был одет по-домашнему, но в боковом кармане, как всегда, лежал любимый наган. Антон неслышным шагом приблизился к двери и не спрашивая «кто там?» резко её распахнул. Он ожидал увидеть кого или что угодно но не это. На пороге стоял настоящий дед Мороз.

– Деда Мороза заказывали? – весело пропел из бороды дед Мороз.

– Нет, – с удивлением произнёс Бережной, – ошиблись должно быть адресом, товарищ дед Мороз. – И тут Антон вдруг понял, что дед Мороз стоит без посоха, без мешка с игрушками и без Снегурочки, а беспечно засунул руки в карманы красной шубы.

– С Новым Годом! – продолжал вещать дед Мороз из бороды, – на рюмочку пустите?

В этот момент Бережной его узнал.

– Так ты ж не пьёшь, дед Мороз.

– Ради такого случая могу позволить, так пустите, Арон Хароныч?

Бережной посторонился, пропуская нежданного гостя.

– Какими судьбами? А я уж думал, что твоё внезапное исчезновение навсегда, а, может быть, и Центр вмешался?

– Да нет, просто много других дел. А Центр, кажется, не заметил нашего пересечения.

– Думаешь, не заметил? А хроникёр? Он ведь тоже отчёты пишет? А отчёт самого Погребняка? Он мог, конечно, в отчёте и не указывать своих предположений. Явно ведь он нас не видел. В отчёте нужно давать только факты, но там ведь не слабые аналитики, – Бережной показал указательным пальцем в потолок, – а стажёр?

– Какой стажёр? – дед Мороз уже снял красную шубу и отклеивал усы и бороду.

– Стажёр появился, не поверишь, Себастьян Пыжикович Грелкин, – Бережной поставил на стол бутылку водки, миску с варёной в мундире картошкой и банку солёных огурцов. – Извини, нет изысканных разносолов, хлеб чёрный, стаканы или стаканы (он сделал ударение

на последний слог) гранёные. Ведь как с компасом... Перенесли его на корабль – он уже не компас, а компа'с. Так и со стаканом. Коснулась его капля спиртного – он уже не стакан, а ста'кан.

– Как и с портфелем, – продолжил развивать мысль Востриков, усаживаясь за стол, – как только положил в него бухгалтерские документы – он уже не портфель, а по'ртфель. Так что – этот Пыжикович из Центра?

– По началу я тоже засомнивался, – Бережной налил на треть стакана гостю и себе, – простоват уж больно. Но потом понял – точно стажёр со «ДНА» веземного. Твоё здоровье, Советыч! Не возражаешь? Ты же – Иван Савельевич, а сокращённо – просто Советыч. Он – Пыжикович, ты – Советыч.

– Хоть утюгом назови, будь, Хароныч! – они выпили по-первой.

– Значит стажёр, – многозначительно сказал Иван, – а ты знаешь, ничего, что на ты? – Бережной кивнул не отрываясь от огурца, – есть у меня своя рука в информационном отделе. Оказывается, не один ты туда запросы посылаешь по этому делу?

– Неужели Пыжик? – вырвалось у Антона, – он ведь слепой ещё, как щенок новорожденный, думает не о том, как лучше провести операцию, а том как бы получше перед шефом прогнуться.

– Нет, сам Погребняк, подал запрос. Но интересно другое. Сам запрос мне, как ты понимаешь, не показали, но намекнули, что твой запрос и Погребняка практически идентичны. Даже в одинаковых выражениях написаны. Для меня это значит, что вы – очень достойные противники и тайно горжусь собой, что решился на этот наш контакт. Думаю, об этом надо продолжать помалкивать.

– Я тоже так думаю, давай по-второй, – предложил Антон, – есть у меня тост.

– Давай, у меня есть ответный тост.

– Давай выпьем за наш объект за номером 2107-1954, он начинает мне нравиться. Лихо ты втянул его в эксперимент с перочисткой.

– Я никуда его не втягивал. Вообще только прибыл, а эпизод назначен на весну.

– Да ну, сам что ли? Давай выпьем, а то уже нагрелась.

Они выпили по второй и Бережной поведал Ивану о случае с перочисткой.

– Ну, давай твой тост. Давненько я так ни сиживал.

– Да мой тост, собственно, о том же. Ты уже в этом деле более семи лет, а я-то только подготовкой и занимался, но мне уже нравится. Давай за объект и за наше содружество, – предложил Иван, – пьянею, наверно, что-то длинно стал говорить.

И они выпили по-третьей.

* * *

Раиса Ефимовна Биневская – классный руководитель первого «А» класса – взяла в руку мел и подошла к доске.

– Представьте себе, ребята, что у нас есть два кирпича, – она нартсовала на доске два прямоугольника, – потом нам принесли ещё один кирпич, – она нарисовала на доске ещё один прямоугольник, – сколько у нас всего теперь кирпичей?

Класс дружно ответил: «три кирпича».

– Теперь представьте себе, что у Кати есть два яблока, – Раиса Ефимовна нартсовала на доске два кружка. Кружочки получились разной величины, но Раиса Ефимовна не стала исправлять. – Кате подарили ещё одно яблоко, – Раиса Ефимовна нарисовала ещё один кружок, – сколько всего яблок теперь у Кати?

Класс опять дружно ответил: «три яблока».

– Теперь достаньте свои счётные палочки, – продолжала Раиса Ефимовна. Семёну очень нравились его счётные палочки. Была в них какая-то притягательная сила.

– Возьмите из коробочки две палочки, – говорила Раиса Ефимовна, – кладите их сюда, на край парты. Теперь добавьте к ним ещё одну палочку. Вы видите – снова получилось три палочки. Теперь откроем свои тетрадки по арифметике и сверху запишем: «Примеры», – она писала на доске, а дети записывали в тетради.

– Мы уже знаем цифры. Запишем два, плюс – две палочки крест на крест, один, – она написала на доске единицу, – дальше равно – две палочки рядом горизонтально и цифру три. Мы решили и записали пример для кирпичей, яблок и счётных палочек, о которых говорили до этого.

После школы Семён не торопился домой. Все ребята уже убежали, а он не спеша только выходил со школьного двора. Какая-то мысль засела в голове и не давала покоя. Уже входя в свой двор, что-то в голове щёлкнуло и он со всех ног радостно бросился домой. Влетел в квартиру, как вихрь промчался по коридору, свернул направо и пронёсся в кухню.

– Мама, мы сегодня писали..., – здесь он замялся и полез в портфель, достал тетрадь по арифметике, нашёл нужную страницу и продолжил, – мы решали примеры, можно без кирпичей, без яблок... просто в тетради.

– Молодец. – Мама погладила его по белобрысой голове.

«Эх, слышал бы его в эту минуту профессиональный математик...» – подумал Востриков. Маленький Семён не знал ещё слово «абстрактный», слово «универсальный» и вообще слово «математика», но чувствовал, что-то радостное, какое-то непонятное озарение от этого «решали примеры».

Первый класс пролетел очень быстро. Раиса Ефимовна сказала, что завтра им выдадут табель и переведут во второй класс. «Как это переведут во второй класс? Кто-то придёт и куда-то поведут?», – всё время крутилось в голове у Семёна. Но оказалось всё очень просто. Выдали табель и сказали приходить в школу первого сентября. В табеле были одни пятёрки. Семён был единственный в этом классе круглый отличник. Наступили первые школьные каникулы.

Это лето было очень насыщенным. Во дворе вдруг появилось очень много тонкой цветной проволоки. Она была у всех. Потихоньку говорили, что старшие пацаны срезали с забора тридцать второго завода много метров какого-то телефонного кабеля. Потом во двор стали приходить какие-то дядьки и спрашивать: «мальчик, а где ты взял эту проволоку?». Но никто не знал. Она просто была у всех. Между собой пацаны рассказывали, что сначала кабель отрезали с забора, потом обматывали кусок кабеля вокруг себя, пряча под рубашкой, а потом уже несли проволоку во двор. Все плели из этой проволоки всякие плетёнки, браслеты, пояса и кольца. А Семён придумал, как делать из этой проволоки цветных маленьких человечиков и заразил игрой в человечиков весь двор на несколько лет.

На день рождения Семён получил сразу три подарка. Всегда самые интересные подарки ему приносил дядя Миша – муж маминой сестры. Кажется, он привозил их из далёкой Москвы. Сейчас он подарил ему большой паровоз. Он был как настоящий, с красными колёсами, но серого цвета. Семён знал, что паровозы бывают чёрные и зелёные и всегда с красными колёсами. Но бывают ли настоящие серые паровозы? Вторым подарком был большой башенный кран. У него крутилась лебёдка и можно было поднимать различные грузы. И кран, и паровоз идеально подходили для человечиков, котрых плёл из цветной проволоки Семён. И ещё Семёну подарили шахматы и тут же научили, как в них играть.

Во дворе стоял длинный стол, где собирались взрослые. Мужики забивали «козла», а пенсионеры играли в шахматы. С самого утра Семён брал под мышку свои шахматы и выходил во двор в надежде, что кто-нибудь с ним сыграет. Ребятишки играть в шахматы не хотели или не умели. Пенсионеры играли не хотя. Сначала им было неинтересно, а потом стало досадно проигрывать восьмилетнему пацану. Однажды один из пенсионеров взял Семёна за руку и

привёл в соседний двор – там был шахматный клуб для детей. Руководитель клуба предложил сыграть Семёну с каким-то мальчишкой. Семён быстро его обыграл. Потом он обыграл ещё одного. К обеду он обыграл всех кто был в клубе и руководитель сказал: «считай, что у тебя уже шестой разряд». Семён не знал, что такое шестой разряд, но почему-то эта фраза навсегда отбила у него желание играть в шахматы.

* * *

– Мы должны опережать их хотя бы на один шаг, – назидательно говорил Погребняк, приводя в порядок расхристанные мысли Грелкина, – пусть они продолжают думать, что мы не знаем о их совместной работе. Это наш козырь. Мы ведь можем и чиркнуть куда надо, что нарушается циркулярная установка – каждый отдел работает независимо друг от друга.

Грелкин понимающе кивал и что-то записывал в свою записную книжку.

– Слежку вести только в тонком теле, – продолжал Погребняк, – твои контакты с Бережным и так чуть боком нам не вышли. Вспомни хотя бы историю с грибами.

Грелкин продолжал записывать.

В конце июля Грелкин выследил непонятную ситуацию. Востриков на такси привёз за город непонятный груз и припрятал его под одним из домиков дачного посёлка. Это были какие-то каменные цилиндры. В тот же вечер Басти похитил один из этих цилиндров, привёз в город и спрятал у себя в комнате. Что с ним делать он не знал. В крайнем случае, думал он, можно посоветоваться с шефом.

– Зачем понадобились цилиндры? – спросил как-то Бережной Вострикова.

– Для формирования геометрических образов, – непонятно ответил Иван, – туннельная сфера.

* * *

В конце июля родители сказали, что вся семья будет жить в лесу до самой школы. Семён взял с собой игрушечную подвесную дорогу и человечиков.

Это был небольшой дачный посёлок сразу за чертой Красноярска. Там начиналась тайга. Семён никогда не видел такого сказочного леса. В домике было несколько комнат и веранда. Прямо у крыльца росли две огромные сосны и Семён приладил между ними свою подвесную дорогу. Дом стоял на бетонных сваях, между которыми были деревянные доски, но с одной стороны была маленькая дверца, благодаря которой можно было залезть под дом. Там хранились дрова. Обследовав подпол, Семён обнаружил много каменных цилиндров. Цилиндры были примерно десять сантиметров в диаметре и почти чёрного цвета очень гладкие. Все одинаковой длины – примерно пол метра. Тайну этих цилиндров Семёну так никогда и не удалось разгадать.

Вся земля вокруг дома была усеяна большими красивыми шишками. Разглядывая шишки Семён вдруг заметил какое-то движение на земле. Присмотревшись повнимательнее Семён понял, что это муравей. Но это был огромный чёрный муравей. Таких муравьёв в городе он никогда не видел. У муравья была большая голова с мощными челюстями и в этих челюстях муравей что-то нёс. При внимательном рассмотрении выяснилось, что муравей нёс другого муравья. Семён решил проследить за муравьём. Через какое-то время муравей оставил свою ношу и повернул в обратную сторону. Его ношей оказался мёртвый муравей. Весь вечер Семён следил за муравьём. Оказалось, что живёт муравей под землёй. Он скрывался в своей норке. Через какое-то время выносил мёртвого муравья относил его подальше от своего дома и воз-

вращался. Может это был не один муравей, а целый отряд. Следить за муравьями было очень интересно. Этот интерес к жизни муравьёв не пропал у Семёна всю жизнь.

Выйдя на следующее утро на крыльцо Семён сразу столкнулся с мальчишкой примерно его же возраста. Тот рассматривал подвесную дорогу.

– Привет, меня Витька зовут, – как-то по свойски заговорил стоявший около крыльца мальчишка.

– Привет, а я – Сёмка.

– Вчера приехал? Я вон в том доме живу здесь с начала лета. А потом пойду во второй класс.

– И я во второй.

Так у Семёна появился новый знакомый, с которым его ждали интересные приключения в дачной стране. Именно с Виктором они пускали со склона, найденные под домом цилиндры. Пробовали их раскалывать, но они были очень крепкими.

Глава 4.

Главное искушение

– Ты никогда не задумывался, чем занимается отдел генетики? – спросил Бережной Вострикова, аккуратно раскладывая на столе детали своего нагана.

– Почему мы свои отчёты отправляем в Центр, и они в первую очередь попадают к генетикам? Я в «СС», страшно сказать, сколько лет. Раньше не задумывался – служба простая: приставили к объекту, спасай и сохраняй. Чего тут непонятного. Когда начал понимать, что есть службы с диаметрально противоположными задачами стало интереснее. Азарт появился. Элемент противостояния, борьбы. Они свою задумку, ты – свою контрзадумку. Ты всегда во «СНЕ» служил или ещё чем занимался? – он поднял глаза на Ивана.

– Я начинал в отделе статистики, – Иван отложил книгу и стал разглядывать, разложенные на столе детали нагана, – потом начали посылать на Землю хроникёром. Потом предложили должность модельера-хроникёра и одновременно предложили перейти в «СОН». Я выбрал «СОН». Толком не знал, что это такое, ну, и решил попробовать. Вот тогда и стал более тесно работать с генетиками. Во всю идею своей операции они никого не посвящают. Да это и невозможно – операции, как правило, многолетние. Дают тебе теоретический расклад по ситуации, а ты примериваешь его уже здесь по жизни. Иногда сразу пытаешься что-то воплотить, иногда обращаешься за дополнительными разъяснениями по ходу дела. А как они потом используют твой отчёт и что делают, мне не известно. Знаю только, что служб у этого отдела очень много. Кто-то на месте работает, а кто-то с Земли не вылезает. А, порой, диву даёшься, какие ситуации предлагают, а за разъяснениями обращаться бесполезно. Мол, будешь работать у нас, тогда и вопросы задавать будешь.

– Не жалеешь? – Антон продолжал протирать детали.

– Да, нет. Интересно пока. На днях получил циркуляр, думал по ошибке ко мне попал. Представляешь, футболом начинаю заниматься.

– Это как? – Бережной даже приостановил свои действия с наганом.

– Активизировать наш объект по отношению к футболу.

– Ну дела..., – Антон быстро начал собирать наган.

– Заглянул я тут в исторические и текущие дела местного, в смысле Российского, футбола, – продолжал говорить Советымч. – Знаешь, кто такой Эдуард Стрельцов?

– Я хоть и далёк от футбола, но про Стрельцова слышал.

– Так вот, день рождения Эдуарда Стрельцова двадцать первого июля. Совпадение это или как?

– А что предписание?

– В предписании ни слова о Стрельцове. Вот и думай, каким боком футбол к нашему объекту?

* * *

Летом 1963 года детям вдруг сказали, что на всё лето вся семья, кроме бабушки, едет в Москву в гости к многочисленным родственникам отца. Но не этот факт больше всего взволновал Семёна. В Москву надо было лететь на самолёте, лететь шесть часов – вот это было действительно событием.

Самолёт был, как показалось Семёну, очень большим. Назывался он ИЛ-18. В самолёте было шумно, но зато в иллюминатор было видно, как самолёт разгоняется и взлетает. Ощущение, что ты летишь, было незабываемым. Сверху всё казалось маленьким, игрушечным, но, вместе с тем, живым. Было видно маленький лес, маленькие домики и дороги, по которым ехали маленькие, как миниатюрные игрушки, машинки. Самолёт был, как большой дом. Семён думал, что в самолёте будет качать из стороны в сторону – ведь это полёт. Но оказалось, что в самолёте совсем не качает. А потом всё исчезло. Видно было только облака, которые остались далеко внизу.

В подмосковье прибыли поздно вечером. Утром, выйдя на крыльцо дома, где они ночевали, Семён оторопело остановился. У крыльца стояли кучкой пацаны примерно его возраста. Их было шесть или семь человек. Один из них держал в руках настоящий футбольный мяч. Как оказалось они специально пришли и ждали, когда Семён проснётся и выйдет из дома. Все они были его двоюродными или троюродными братьями. Каждый называл своё имя и старался дотронуться до Семёна. Было несколько Вовок и несколько Сашек. Семён конечно никого не запомнил с первого раза. Всей гурьбой тут же отправились со двора. Прямо за огородом находилось настоящее зелёное футбольное поле, на котором стояли большие белые футбольные ворота с сеткой. Мяч оказался твёрдый, как камень и тяжёлый. Очень трудно было его допнуть до ворот даже с пяти метров. Но это были первые ощущения. А потом был футбол с утра до ночи. Братья Семёна жили в разных домах и каждый день Семён у кого-то оставался в гостях.

Однажды вечером приехал из Москвы отец и сказал, что завтра идём на «Спартак». «Лужники» поражали величию сооружения и количеством людей. Казалось, что вся Москва собралась на футбол. Играли «Спартак» и «Зенит». Больше всего Семёну запомнились милиционеры, которые гарцевали на высоких лошадях и поддерживали порядок в очередях у касс, где продавались билеты на футбол. Ещё запомнилось Семёну, что прямо между рядов на трибуне ходила тётка-лотошница и продавала вкусные бутерброды с красной рыбой и колечком репчатого лука наверху. Отец сказал тогда: «Вон тот игрок – знаменитый Игорь Нетто. Надо всегда болеть только за «Спартак», в каком городе и в какой бы стране ты не жил». А матч закончился тогда ноль-ноль. И когда раздался финальный свисток вратарь «Спартака» подпрыгнул и повис на перекладине ворот.

* * *

– Сядь, отдохни, – мама Лида только что перебинтовала оба локтя сына, сбитые в кровь, – сердце вон, как у бешеного зайца колотится.

– Нет, ждут, – нетерпеливо сказал Сёмка, – а почему сердце не устаёт, оно же без остановки колотится?

– Оно отдыхает.

– Когда оно отдыхает?

– Сердце состоит из четырёх маленьких сердечек. Когда два сердечка работают другие два отдыхают и наоборот.

– Понятно, – и Семён вновь помчался на свой футбол.

* * *

Вдоль заводского забора тянулся неухоженный газон шириной метров в двадцать. Там росли какие-то кусты, редкие небольшие деревца, стояли ажурные вышки линий электропередач, а кое-где прямо из земли торчала жёсткая стальная проволока. Землю покрывал бурьян, который иногда прорезался руслами пересохших ручьёв. Это место Семён называл «Волшебной страной». Здесь никто никогда не ходил и можно было придумывать собственные игры. В конце волшебной страны, где кончался заводской забор, были ворота, которые иногда открывались и, если повезёт, то можно было увидеть, выходящий из них паровоз. Иногда Семён делал экскурсии и приводил в свою страну друзей и сестру. Рассказывал о железных кустах и реках, где текла невидимая вода. Многие человечики, которых Семён плёл из цветной проволоки, жили в этой стране круглосуточно.

А там, где кончалась волшебная страна, можно было повернуть направо и идти до дощатого забора. За забором был другой мир, который охраняли злые огромные собаки. В заборе было тайное отверстие. Там можно было отогнуть доску и пролезть за забор. Но одному проникнуть в тот мир было невозможно. Всегда надо было идти вдвоём. Один бежал вдоль забора и колотил по нему палкой. Сабака за забором реагировала на этот стук и с лаем сопровождала его. Это был отвлекающий маневр. Когда собака была достаточно далеко второй открывал заветную доску и стремглав бежал, стараясь быстрее преодолеть расстояние, на которое собаке позволяла отходить цепь. Потом проскочивший дразнил собаку, уводя её от дыры в заборе, чтобы мог проскочить и товарищ. Обратный путь всегда сопровождался большим риском. Всё время лезли в голову мысли, что пока находился в тайном мире, дыру в заборе починили и риск встретиться с собакой многократно увеличивался.

Это была запретная зона – свалка заводских отходов от двух заводов. Завод 32 во время войны делал пушки, а потом стал делать ракеты. А аффинажный завод был заводом химического производства. Какие удивительные вещицы находили на этой свалке пацаны. Потом это всё приносилось во двор и выставлялось на обмен. А в глубине свалки вдруг открывалось удивительное озеро. Вода в нём всегда казалась голубой. А, может быть, это голубое небо отражалось в воде озера. Озеро было искусственным – это были сливные воды одного из заводов. А так хотелось в нём искупаться. Тогда ещё не был написан знаменитый роман, по которому сняли фильм «Сталкер».

Однажды все классы были построены на внутренней линейке вдоль всего школьного коридора и директор школы рассказал страшную историю, что умер один из учеников нашей школы, потому, что он заболел какой-то лучевой болезнью. Болезнь продолжалась всего две недели. А началась она потому что этот ученик искупался в том красивом озере на заводской свалке.

* * *

– Мы пойдём до большого камня, – говорил Семён двум друзьям, которые сегодня его сопровождали, – там удобно сидеть и ждать паровоз.

Саня жил в одном дворе с Семёном, был его ровесником и ходил в соседний класс, а Серёга был, так называемым, молочным братом Семёна. Он был на пол года младше Семёна и учился классом ниже. Молочным братом его называли потому, что мама Семёна кормила грудью новорожденного Сергея – его мама заболела сразу после родов. Отец Семёна и отец

Сергея учились когда-то вместе в техникуме и дружили, а третьим их другом был известный уже дядя Коля Гришинков. Мама Сергея преподавала в школе, где они все учились и семья их жила не далеко от школы.

Пацаны без приключений дошли до большого камня и расположились вокруг него. Мама Семёна, собирая его в такие походы, всегда давала с собой что-нибудь перекусить и попить воды. Еда была нехитрой. Как правило – чёрный хлеб, несколько пучков зелёного лука и соль в спичечном коробке. Не успели они перекусить, как ворота завода со скрипом и лязгом распахнулись и из них стали выползать товарные вагоны. Вагонов было два и толкал их заветный паровоз. Состав пересёк «Красраб» проехал ещё немного и остановился. Обычно паровоз возил вагоны с углём на заводскую котельную, а сегодня что-то было не так. Мальчишки наблюдали за составом издали – они хотели дожидаться паровоза, когда он пойдёт обратно. И, действительно, через какое-то время паровоз вернулся и въехал в заводские ворота. Вагоны остались стоять перед воротами станции котельной. Почему-то их туда не завезли. Семён с друзьями отправились к вагонам посмотреть в чём там дело.

Никого рядом не было и можно было полазить по вагонам, забираясь по высоким ступеням подножек. Прямо у вагонов в куче пепла и золы были навалены автомобильные шины от грузовых автомобилей. Пацаны прыгали с шины на шину, стараясь не соскользнуть в серый пепел. Сергей несколько раз оступился, проваливаясь по щиколотку между шинами. И вдруг он начал говорить, что ноги жжёт, а потом и вовсе стал кричать. Семён с Саней подхватили его под руки и потащили в сторону районных бань. Около баней они посадили его на лавочку – идти он уже не мог. Он истошно кричал и дёргал ногами. Семён кинулся в здание бань прося о помощи. В банях был наверное женский день потому, что в здании находились одни женщины. Одна из женщин откликнулась на крики Семёна и вышла к Сергею. Тот кричал страшным криком. Женщина присела перед ним и стала снимать ботинки. В ботинках была ещё горячая зола. Потом сняла носки. Семёна поразил цвет ног Сергея. Ноги были пунцово красного цвета. Вокруг уже собралась толпа и кто-то крикнул: «Звоните в скорую!». Семён попросил Саню бежать домой к Сергею за его матерью. Как оказалось вместе с носками с ног была снята и кожа. Потому и цвет ног был таким красным.

Сергей перенёс множество операций. Кожу срезали с бёдер Сергея и пересаживали на обгоревшие места ног. Лет через десять Сергей с Семёном встретились в финале городского футбольного первенства. Сергей защищал ворота, а Семён играл в полузащите команды соперника. А откуда тогда у вагонов оказалась свежая зола, так и осталось невыясненным. Видимо золу выгрузил паровоз.

* * *

Летом 1965 года семья Семёна вновь жила в лесном дачном посёлке под Красноярском. Снова появился Витька и мальчишки вспомнили, что они уже познакомились три года назад. Лето было очень жарким и Енисейская протока в районе дач превратилась в залив. Вода в заливе быстро нагрелась и на пляж стало приезжать очень много людей.

Родители Семёна расположились не у воды, а чуть выше на траве, а Семён и Виктор плюхались в воде.

– Ты умеешь плавать? – спросил Витька.

– Нет, – ответил Семён, – но хочу научиться.

– Я тоже не умею, но знаю, как научиться. Давай я тебя научу.

– Давай, – тут же согласился Семён.

– Я останусь у берега, а ты заходи в воду по грудь и потом плыви ко мне, – объяснял Витька, – руками делай вот так, так собаки плавают.

Они отошли подальше от купающихся, где пляж упирался в высокую скалу. Витька зашёл в воду по колено, а Семён направился к скале. Дно плавно уходило вниз. Когда вода дошла до плеч, Семён повернулся лицом к берегу и собрался попробовать плыть по-собачьи. Потом решил, что надо зати в воду до подбородка и сделал шаг назад. Ему показалось, что кто-то его дёрнул слегка вниз – в этом месте дно резко обрывалось. Семён скрылся под водой и угодил в водоворот, который начинался у скалы. Его перевернуло через голову и вытолкнуло на поверхность. Он успел глотнуть воздуха и снова скрылся под водой. Страха не было. Просто он ещё не успел испугаться. Вода была мутно серая с зеленоватым оттенком. Вдруг он увидел рядом с собой свою белую испанку^{*)}, которая тоже плавала под водой.

*) – Испанка – белая пилотка с красной кисточкой впереди

Семён дотянулся до неё рукой и стал надевать на голову. Вокруг под водой медленно плавали большие зеленые пузыри. Внутри они были светло-зеленоватого цвета. Пузыри плавали рядом и не торопились всплывать. Это удивило Семёна. Это было последнее, что он запомнил. А потом всё погасло.

Витька видел, как исчез под водой Семён. Потом его голова вдруг снова показалась над водой и снова исчезла.

Витька подождал ещё немного, а потом кинулся на верхний пляж искать родителей Семёна, чтобы сказать им, что Сенька утонул.

Родители Семёна безмятежно грелись на солнышке переполненного верхнего пляжа, когда к ним подлетел Витька и сбивчиво начал рассказывать, что Семёна утянул водоворот.

Когда родители кинулись к воде безжизненное тело Семёна уже вытащили на берег. Кто-то перевернул его на живот и попытался встряхнуть. Сознание вернулось к Семёну вместе с болью в груди. Вода потоками шла изо рта и носа, а в груди точно пылал пожар после взрыва бомбы. Грудь разрывало невыносимой болью.

До конца своих дней он помнил то ощущение жжения в груди, которое он испытал приходя в сознание уже на берегу, а когда вода попадала в носоглотку, то вспоминались и подробности этого случая. Он часто задавал матери вопрос: кто же его спас? Но этого никто не мог вспомнить.

Этот человек, вытащив Семёна из воды, просто как-то незаметно исчез и на пляже никто не мог его вспомнить.

После этого случая Семён дал себе слово, что больше близко не подойдёт к воде, которую в одночасье возненавидел, но в то же лето научился плавать и позабыл о враждебности к воде. Теперь Семён практически каждое утро, когда ходил за водой к роднику, сначала сворачивал на пляж и плавал в протоке. Прямо у скалы, где при большой воде был тот самый водоворот, кто-то поставил у берега дощатый плот. Женщины стирали на нём бельё. Семёну нравилось нырять с этого плота. Он уже на бегу стаскивал с себя одежду, забегал на плот и с разгона нырял. Сегодня он так и сделал. Майка летела в одну сторону, шорты в другую. Он уже нашёл взглядом плот, заскочил на него и, оттолкнувшись, нырнул в воду. Велика сила привычки. Ночью кто-то перегнал плот из под скалы на середину пляжа, на мелководе. Нырнувший Семён тут же врезался в дно (*«Как это символично: дно и «ДНО»»*). Удивительным образом, но Семён не сломал при этом ни руку, и даже, ни один палец, однако лицо, локти, живот и колени всё было разбито и расцарапано в кровь. Сначала он с трудом перевернулся на спину. Немного отдышавшись, он выбрался на пляж. По всему телу струились ручейки крови. *«Как же я не заметил, что плот кто-то передвинул...»*, – подумал Семён.

* * *

Бережной расположился на склоне скалы и читал книгу, время от времени поглядывая на купающихся. В какой-то момент, оторвав взгляд от книги, он увидел под скалой вынурывшего из воды человека. Этот человек привлек внимание Антона тем, что он был в кепке, хотя и нырял под воду. Он тут же окинул быстрым взглядом прилегающую к скале акваторию и увидел барахтающегося в водоворе ребёнка. Не раздумывая Бережной отложил книгу и прыгнул воду прямо с того места на скале, где он сидел.

Этот дачный сезон был отмечен ещё одним ярким событием. Прямо у входа в дачный посёлок, на пригорке располагалась большое длинное здание – это была столовая. А на веранде этой столовой стоял стол для настольного тенниса. Молодёжь старшего поколения по вечерам играла здесь в теннис и слушала музыку – уже появились первые бытовые магнитофоны.

Баба Лена разбудила Семёна и маленькую Викторину под утро. Было, наверное, часа четыре утра, но рассвет ещё не наступил.

– Вставайте, вставайте скорее. Прожар, – взволнованно приговаривала бабушка, – столовая наша горит.

Зрелище было страшное. Всё здание столовой пылало. Пламя достигало вершин деревьев и озаряло всё вокруг. Проснувшиеся дачники стояли поодаль не приближаясь к огню на расстояние метров ста. Семён и Вика стояли на крыльце своей дачи, но даже там чувствовался жар огня. В голос плакала продавщица местного магазинчика, который находился немного ниже и левее горячей столовой. В руках у неё был шланг и она отчаянно поливала стены своего магазина.

Некоторое время спустя на территорию дач ворвалось, пугая своим рёвом лес, сразу четыре или пять больших пожарных машин. Битва с огнём продолжалась несколько часов.

Днём бабушку и ребятишек увезли с дачи, а вечером они снова появились в лесном посёлке. То, что увидел Семён, поразило его. Вместо столовой было ровное чёрное поле. Торчали какие-то обгорелые останки здания, а на границе бывшей столовой возвышались пики сломанных сосен без единой веточки, без единого сучка. Семён не мог не исследовать эту территорию и тут же отправился на пожарище. Сначала ничего особенного он не замечал. Кругом были чёрные головёшки, но вдруг что-то блеснуло ярким светом среди этой черноты пожарища. Он тихонько тронул ногой это блестящее. Из углей показалось что-то блестящее, как начищенный металл, но совершенно неопределённой формы. Казалось, что металл тёк, а потом вдруг застыл в своём течении, приняв округлые плавные формы. Семён дотронулся пальцем. Металл был прохладный – ночью пожар так бушевал, что плавилась дюралевые ножки столов и стульев столовой.

Вдруг сбоку по склону раздался такой вопль, что Семён вздрогнул и выронил слиток.

– Стой, мать твою...!! – кричал дядя Гриша, комендант дач, – стой, не шевелись! Куда ж тебя понесло, там же оголённые провода под током.

Семён вдруг почувствовал, что по всему телу потекли струйки холодного пота и у него закружилась голова, но он удержался на ногах.

– Стой, не двигайся, – кричал дядя Гриша, – я сейчас.

Через несколько минут снова появился дядя Гриша. Под мышкой он нёс две солидные доски. Первую доску он бросил на чёрные угли пожарища и сам пошёл по ней в сторону Семёна, неся вторую доску под мышкой. Вторая доска легла как раз у ног Семёна.

– Давай по доске. Не торопись и старайся не оступиться.

Даже сейчас, когда прошло уже много лет, вспоминая этот эпизод, Семён начинал чувствовать озноб спины и дрожь в руках и ногах.

Осенью этого же года умерла бабушка. Семён впервые вдруг задумался о смерти. В их дворе время от времени кого-то хоронили. Само по себе это событие было понятным. Но смерть близкого человека... Как это так – умер навсегда? Этого человека больше не будет никогда. Не долго. Не очень долго. А НИКОГДА! Что-то неотвратимо страшное было в этом

слове «никогда». Что-то здесь не так. Такого не может быть. Человек не должен умирать навсегда. Смерть пугала и заставляла возвращаться к этому вопросу снова и снова.

* * *

Надо было писать отчёт на верх.

– Я твои эксперименты включать в отчёт не буду, – наставительно говорил Погребняк, – возьму грех на душу. Ты понимаешь, мы должны проводить эксперимент точно. Никто из посторонних не должен даже догадываться о твоём существовании и уж тем более никто не должен во время твоих действий как-то пострадать. Случай с карбидовой бомбой ужасен. Объект отделался практически испугом. Чуток глаз зацепило, а его сестре оба глаза чуть не выжгло. Она-то тут причём?

– Так она сама... соразмерно..., – начал было оправдываться Грелкин, – как хвост за братом везде таскается.

– Это не оправдание. Плохая подготовка эксперимента. Лучшие надо ситуацию просчитывать. Присядь, – снизошёл наконец Погребняк. Грелкин присел на край стула, не переставая выкручивать свою кепку, как будто пытаясь её отжать.

– Не плохая была идея со свалкой, – продолжал Погребняк, – но почему не довёл дело до конца?

– Так туда можно было проникнуть только в тонком теле. Пёс там цепной просто крокодил какой-то. А на тонком уровне так фонит, что никакое внушение толком не проходит.

– Бочку с бензином остроумно подсунил на стройку, но обожгло-то совсем других пацанов. Ещё не знаю чем это дело кончится. Хоть и не пишу в отчёте, что это наши дела, но расследование наверху всё равно будет. Докопаются до нас – по головке не поглядят.

– «СС» там впутался соразмерно, – оправдывался Грелкин

– А «СС» всегда будет впутываться, ты готовь эксперимент так, чтоб быть на шаг впереди. Пускай у них голова болит. Ну, ладно, пришёл новый циркуляр. Действуем теперь по новому уровню: плюс восемь, минус два. В первом искушении за тобой собака. Почитай внимательно мои предложения и доложи потом свои соображения. – Погребняк протянул Грелкину несколько исписанных листов бумаги. – Да, и с «гиперболоидом» дело надо продолжить, но не абы как, как это у тебя всегда получается, а как положено. Пора уже становиться серьёзнее. Молод, понимаю, но если хочешь у нас и дальше работать – старайся. Неделю тебе даю на подготовку. Да, и пожаром на даче перестарался.

* * *

В самом начале учебного года в шестом классе родители подарили Тамаре собаку. Это был спаниель по кличке Барсик. Домашние стали ласково называть его Барик. Шума он производил много, но в целом был безобидный и компанейский пёс. В азартном порыве он мог куснуть и свою хозяйку, но потом по-собачьи осознал свою вину и старался как-то это зализать, то есть – зализать. Тамара была яркой девчонкой. Она была стройной, имела толстую красивую косу и была высокого роста. Девчонки вообще быстрее растут, чем мальчишки. Она была выше самых рослых своих сверстников. Двор, где она жила, находился практически в центре исторической части Красноярска – это был левый берег Енисея – и считался элитным. Правобережье, где жил Семён, считался промышленной частью города. Да, так оно и было. Вдоль всего «Красраба» тянулись заводы, которые были большей частью эвакуированы во время войны.

Почти все пацаны ровесники Тамары, да и не только, кто-то открыто, а кто-то тихонько ей симпатизировали. Это была одна из причин всё растущей популярности этого двора. Барсик

многих её поклонников откровенно раздражал, так как мог цапнуть за штанину, особенно, если чувствовал, что его побаиваются.

Жорка был одним из тайных поклонников Тамары. Он сам был центральной фигурой этого двора среди пацанов и считал, что выказывать открыто свои чувства по отношению к какой-то девчонке ниже его мужского достоинства. Барсика он не любил. Он вообще собак побаивался. Он занимался борьбой самбо в спортклубе «Динамо» и это придавало солидный вес к его, уже не по-мальчишески, сложенной фигуре. Вышедший недавно в прокат фильм «Гиперболоид инженера Гарина» его не тронул. Зато фильм «Гений дзюдо» был просмотрен не один раз.

Семён не спеша возвращался из школы. Прошёл вдоль гаражей и стал огибать большие металлические качели, когда его внимание привлёк предмет, валявшийся на земле недалеко от угла здания гаражей. Семён приблизился к этому предмету, обошёл его со всех сторон и легонько тронул носком ботинка. Предмет был полый, конической формы, слегка приплюснутый с двух сторон. Окуда он тут взялся и для чего был нужен было непонятно, но главное его достоинство было в том, что внешне он напоминал устройство, которое Семён недавно видел в кино. Это был гиперболоид очень похожий на тот, который был у инженера Гарина. Дух у Семёна захватило. Предмет был металлический, очень жёсткий и не очень тяжёлый. К тому же, он был совершенно чистый и выкрашен в тёмно коричневую краску. Размером он был чуть побольше школьного портфеля. Семён долго не думал. Держа в одной руке портфель, Семён взял под мышку найденный гиперболоид и отправился домой претворять в жизнь, только что пришедшую в его голову, идею.

Гиперболоид инженера Гарина работал на какой-то химической основе, а свой гиперболоид Семён решил сделать, используя электричество. Придя домой, он сразу же взялся за осуществление задуманного. В его закромах нашлась зеркальная фольга, которую он когда-то принёс с заводской свалки. Этой фольгой была тщательно выложена вся внутренность, найденного гиперболоида. Семён был уверен, что если в центр гиперболоида поместить электрическую лампочку, то свет, отражаясь от зеркальных внутренностей гиперболоида, обязательно сольётся в точку, которая потом вытянется в заветный луч. Крепление для патрона электрической лампочки было сделано из жёсткой стальной проволоки, которая тоже имелась среди инструментария Семёна. Схема была проста. Дядя Миша несколько раз дарил Семёну электрические конструкторы на батарейках и Семён с первого класса умел собирать различные электрические схемы, в которые были включены и лампочки, и различные выключатели. К трём часам дня гиперболоид был готов. Скоро должна была прийти с работы мама и нужно было торопиться, чтобы успеть провести первый эксперимент до её прихода. Сестра была удалена из комнаты, так как Семён хорошо помнил, что во всех его неудачных опытах почему-то доставалось больше всего сестре. Гиперболоид был установлен на письменном столе. Провод от лампочки был включен в сеть. Осталось повернуть выключатель. Семён отдавал себе отчёт, что может произойти непредвиденное, поэтому старался быть предельно осторожным.

Раздался грохот и, как показалось Семёну, не только луч, но и искры, и даже молнии посыпались не только из гиперболоида, но и из розетки, куда был включён шнур от гиперболоида. Через мгновение всё затихло. Семён попытался вынуть штепсель из розетки, но это у него не получилось – видно было, что штепсель обгорел. Тогда он взялся двумя руками за шнур и что есть силы потянул его на себя. Штепсель наконец удалось вырвать с куском розетки. На концы вилки было страшно смотреть. Один штырёк был оплавлен, именно поэтому штепсель и не вынимался из розетки, а второй – был наполовину срезан. Сестра со страхом заглянула в комнату.

– Свет погас, – тихонько сказала она.

Действительно, света не было. Как потом оказалось, свет исчез во всём доме, а, может быть, и во всём дворе.

* * *

На время школьной практики, после окончания шестого класса, Семёна определили в класс биологии ухаживать за растениями. Баба Таня, так между собой ученики называли учителя биологии, чувствовала, что Семён не равнодушен к растениям и поспособствовала, чтобы именно он остался на практику в кабинете биологии.

Перед переездом на дачи Семён соврал родителям, что практика закончилась, его перевели в седьмой класс и можно было ехать на дачу уже не возвращаясь в город до сентября.

Дачный сезон начался с того, что к приходу местного автобуса Семён садился у своего домика на скамейку и внимательно всматривался в тех, кто приезжал на дачи, в надежде увидеть знакомых среди тех, кто был на дачах прошлым летом. Почти сразу он отметил девочку с собакой, которая приезжала каждый вечер, а утром снова уезжала в город. Дело в том, что в пионерский лагерь «Таёжный», где Тамара провела прошлое лето, не разрешали с собой привозить собаку. Старшая сестра поступала в институт и ей было не до Барсика. А проводить лето в городе не хотелось. У матери Тамары была возможность снять на лето домик в дачном посёлке – это был единственный выход в сложившейся ситуации. Барсика тоже можно было туда отправить.

Уже на третий или четвёртый день Семён поймал себя на мысли, что ждёт приезда девочки с собакой. Тамара первая подошла знакомиться с сестрой Семёна. А потом с ней познакомился и сам Семён. Раньше ему нравились различные девочки. Чаще – это были одноклассницы или какие-то знакомые. То, что происходило сейчас – было совершенно новым для него ощущением. Он думал о Тамаре каждую секунду. Он постоянно хотел её видеть. Он хотел играть с ней в какие-то общие игры. Он хотел лежать на пляже рядом с ней. Он хотел заниматься с её собакой. Он хотел ходить вокруг её домика сутки напролёт, если по какой-то причине она не выходила из дома. Он хотел знать про неё всё. День начинался и кончался с её именем. Была, правда, одна проблема – Тамара была выше его почти на целую голову. Когда на физкультуре класс строился по росту, то место Семёна было третьим с конца. Почти весь класс, включая девочек, был выше его ростом. Да и как могло быть иначе. Папа был среднего роста, а мама вообще была метр пятьдесят два. Раньше Семёна не волновал его рост – подумаешь третий с конца. Зато в футбол он играл получше прочих здоровяков. Но сейчас проблема роста вдруг стала в полный рост.

Через две недели на дачах появился Жорка, который жил в одном дворе с Тамарой. Семён понимал, что мальчишка, который живёт с ней в одном дворе, не может не быть его другом. Так и произошло. Каждый день был насыщен какими-то интересными событиями и приключениями. Это было лучшим летом во всю его бывшую и будущую жизнь.

Всеми на свете приходит конец. Кончилось и это удивительное лето. Этот учебный год Семён мог бы назвать годом ожидания выходных. Он не посещал свою волшебную страну, он не искал приключений на заводской свалке. Он вообще выпал из жизни своего двора. Он с нетерпением ждал прихода очередного выходного. В этот день он садился на трамвай и ехал через весь город во двор, где жил Жорка, где жила Тамара с Барсиком. Он перезнакомился со всеми пацанами этого двора и его там уже считали за своего.

В конце учебного года ученикам 7 «А» класса вдруг объявили, что у них будет экзамен по математике. Это было неожиданностью. Математику у них преподавала совсем молоденькая учительница Ирина Павловна. Перед годовой контрольной ей вдруг приснился сон, что неплохо было бы перед контрольной устроить импровизированный устный экзамен, чтобы как-то поднять рабочее настроение учеников. Директор школы был не против такого эксперимента, тем более, что это не противоречило никаким установкам района.

На очередном уроке математики Ирина Павловна сообщила, что через неделю будет устный экзамен, который, конечно же, может повлиять на годовую отметку. От экзамена освобождился только один ученик: Семён Молнар. Ему уже поставлена годовая пятёрка и он будет в комиссии по приёму экзаменов вместе с ней самой и директором школы. Это известие буквально потрясло Семёна. Причём не тем, что ему уже поставлена пятёрка, а тем, что ему оказано такое доверие – принимать экзамен у одноклассников. После урока Ирина Павловна познакомила Семёна с билетами для экзамена. Семён все их внимательно прочитал и даже на некоторых незаметно поставил на обратной стороне билета одну, две или три точки. Самым близким друзьям он по секрету сказал, какие в помеченных билетах вопросы.

Этот случай произвёл на Семёна поворотное значение в учёбе: ботаника вдруг ушла на второй план, а главным предметом стала математика.

Наступали летние каникулы и вместе с ними дачный сезон. А это значило, что он снова будет рядом с Тamarой. При этой мысли всё остальное меркло и казалось незначительным и мелким. Семён ещё не задумывался, что такое влюблённость и уж тем более, что такое любовь. Он просто знал – в нём живёт любовь.

* * *

Грелкин должен был явиться для подведения итогов по проведённым мероприятиям сегодня вечером.

– Должен сказать, – начал, как всегда внешне строгий, Погребняк, – что операция «гиперболюид» проведена не плохо. Тонко уловил влияние кинофильма. Тут противная сторона нас не переиграла.

– Стараюсь, – заулыбался Пыжикович, – можно было бы и липовую схемку на внутренней стороне кожанки набросать соразмерно, но сомнения меня взяли..., – Грелкин замялся.

– Да, нет. Всё неплохо. Кстати, что это за кожанка?

– Честно сказать, шеф, я и сам не знаю, – потупился Грелкин, – увидел, стоит в гараже железняка, никого рядом нет, ну я и прихватил.

– Понятно, – перебил его Погребняк, – а что результат такой... Так тут не просчитаешь. Его величество случай. С искушением тоже всё нормально. Собака, лес... Пусть теперь голову ломают, как из этой ситуации выкручиваться. Там одобрили, – Погребняк указал пальцем на потолок, – но расслабляться не стоит. Впереди дачный сезон. Не забывай, мы работаем в двух направлениях. Вот материалы по подготовке к следующему мероприятию. Жду твоих соображений

* * *

Бережной и Востриков встретились накануне летних каникул.

– Хорошо, что ты, Советыч, имеено сейчас появился, – вместо приветствия начал Бережной, – лето наш объект будет опять проводить в лесу. Ты давно видел Демона и Пыжика?

– С Демоном, ты знаешь, я всего один раз столкнулся, а Пыжика знаю только по твоим рассказам. Что-то произошло?

– Меня не оставляет тревога. Какое-то ощущение, что мы, вернее я, что-то пропустил. Пыжика я видел почти год назад. Он в начале учебного года бочку с бензином на стройку, где школу вечернюю строят, припёр. Я тогда кое-как успел пацана из под удара вывести. А другие двое обгорели. Примитивный ход, но в логике не откажешь. Потом обесточивание района. Это очень интересно было сделано. Классическая двухходовка: фильм, воплощение киноидеи... То, что никто не пострадал – просто случайность, но я-то прохлопал. У тебя всё нормально?

– Подвижки косвенные. Всё на интуитивном уровне: учителя начинают замечать, а сам объект совсем в другой стороне. Не пойму – почему.

– А мне кажется – я начинаю понимать, что происходит. – Бережной придвинул к себе лист бумаги. – «СС» работает по шкале «спасений», ты работаешь по одной шкале?

– По одной, шкала советов-наставлений

– А они? – Бережной нарисовал на листе большой вопрос. – Мы привыкли: «ДНО» и «ДНО». А отдел называется «ИЛ» – искушений и ликвидаций. У них может быть не одна, а две шкалы уровней или шкала двунаправленная. Не они ли уводят в сторону наш объект? Грелкин не фигура, но Погребняк-то – это асс. Он – мастер выстраивать человеческие душевные хитросплетения. Просто на уровне мастера-модельера. Его консультантом в другие отделы приглашают. Так сказать, преподать мастер-класс. Давай-ка в этом направлении подумаем. И ещё вот что. Вода этим летом в Енисее высокая, может, возьмём на прокат катер?

– Лучшие, если катер будет крытый.

* * *

В дачный домик, где прошлым летом жила Тамара, вселилась другая семья. Для Семёна – это была почти трагедия. Весь июнь он надеялся, что она всё-таки приедет и будет жить в другом доме, но в конце месяца были заселены все дачи и надежда рухнула. Но приехал снова Жорик – он же Юрий и появился новый, интересный мальчишка, который сразу влился в компанию уже бывалых дачных пацанов. Звали его Гена, но все знакомые называли его мягко Геня. Интерес к Гене подогревался ещё и тем, что Генина семья пригнала по Енисею свою деревянную вёсельную лодку. В лодке свободно могли разместиться шесть человек. За скалой, рядом с которой когда-то тонул Семён, на дачном берегу был вбит в землю металлический крепкий штырь с кольцом, за которое цепью пристёгивалась лодка.

Грелкин уже несколько дней наблюдал за непонятными действиями дачной мальчишеской компании. Утром они вдвоём или втроём грузились в лодку и уплывали на остров. Недалеко от берега острова возвышался из воды огромный камень, напоминающий своей формой спящего бегемота (в народе этот камень называли «быком»). Лодка загонялась за «бегемота» и пацаны что-то там делали почти целый день. Порой они появлялись на спине «бегемота» и ныряли с него в воду.

Грелкин не решался оставить своё физическое тело, но другого выхода не было и в один из дней он прибыл на остров в тонком теле и капитально его (остров) обследовал. После чего явился к шефу с предложением новой операции.

– Пацаны осваивают соразмерно акваланг, – докладывал Грелкин, – уже было несколько погружений.

– Где они раздобыли акваланг – это же не игрушка? – с удивлением поднял брови Погребняк.

– Сами сделали. Достали где-то старый резиновый противогаз и нарастили соразмерно дыхательную трубку каким-то шлангом метров до трёх. Один погружается, другие держат трубку, находясь в лодке.

– Подумай, как можно использовать эту ситуацию. Операцию «Пещера» одобряю. Ещё раз всё проверь и просчитай, и держи меня в курсе своих действий и действий объекта. «СС» и «СОН» не объявлялись? Мне надо знать, что они предпринимают и где находятся. Думаю, что использовать лодку пацанов не стоит, купи или возьми напрокат у туристов байдарку или резиновую.

– Слушаюсь, шеф.

Для плавания на байдарке нужна определённая сноровка, которой у Грелкина не было, но вот с резиновой лодкой он думал, что управится запросто.

Слежку за Грелкиным осложняла наступающая ночь. Он прибыл в совхоз «Удачный» на последнем рейсе пригородного автобуса. За плечами был объёмный рюкзак. Подсвечивая себе карманным фонариком, он спустился на дачный пляж, что-то вытащил из рюкзака и принялся дуть, время от времени шумно отпыхиваясь. Он надувал резиновую лодку. Потом уложил свои вещи в лодку, равернул складное весло и отбыл на дачный остров. На острове он припрятал лодку в кустах, не выпуская из неё воздух, и отправился на противоположную сторону острова, что-то неся в рюкзаке.

Как всегда утром мальчишки отправились к воде. Переплыли на лодке на остров и принялись экспериментировать с самодельным аквалангом. Акваланг работал исправно. Обнаруженную накануне течь удалось устранить, заклеив бээфом и замотав изоляционной лентой. Потом Семён и Геня решили пойти проверить птичьи гнёзда. Противоположный берег острова был песчаный и отвесный. И, практически, вся вертикальная стена берега была испещрена отверстиями, в которых ласточки или другие птички устраивали свои гнёзда. И, буквально в двух шагах от того места, где они спустились на берег, друзья обнаружили искусственный грот. Грот был больше метра в высоту и столько же в глубину береговой стены. Пол грота был любовно устлан сорванной травой. А в метре от этого грота кто-то начал строить новый. Было видно небольшое углубление в песчанной стене. Друзья решили построить второй грот и стелать соединительный пещерный коридор.

Утром следующего дня, вооружившись лопатами, снятыми с пажарного щита, Семён и Геня снова отправились на остров и принялись осуществлять, задуманный накануне, план. Работа шла хорошо. Геня вгрызался вглубь нового грота, а Семён копал соединительный коридор изнутри, находясь в уже вырытом подземном гроте. Они не заметили, как немного выше по течению причалил небольшой крытый катер.

Бережной точно просчитал задуманное Грелкиным, видя его ночные ухищрения. Он сразу понял, что Грелкин постарается заманить ребятшек в искусственный грот. Пройдя несколько десятков метров по верхней части берега Бережной вдруг заметил Грелкина. Тот усердно работал длинным буром, находясь прямо над гротом. «Хитёр – бобёр» прошептал Бережной, обходя Грелкина по дуге, чтобы не быть замеченным. Увлечённый Грелкин не заметил, как со спины подобрался к нему Бережной и крепко зажал ему нос и рот тряпкой, смоченной хлороформом. Потом оттащил безсознательного Грелкина в кусты. Там же он оставил бур и папку Грелкина и кинулся к катеру. В катере его дожидался Востриков.

– Надо пацанов незаметно выманить из грота, – без предисловий сказал Антон, – я отлечу. Если через полчаса не вернусь – действуй по обстоятельствам.

Антон бухнулся на диван катера и тут же его тело приняло безжизненный вид.

В какой-то момент Семён вдруг почувствовал, что с потолка на ноги упал ком земли. Соединительный канал между старым и новым гротом был пробит. Надо было его только расширить.

– Геня, – крикнул Семён, – потолок сыпется.

– Вылезай скорее.

Пацаны, пятясь на четвереньках, выбрались из гротов. Над потолком свода возвышался полутораметровый берег. Не успели друзья перевести дух, как берег над гротом тяжело ухнул вниз. Семён и Геня стояли в полном молчании ещё несколько минут. Потом Геня подошёл на место обвала и тихо прошептал: «завалило бы начисто»

– Лопата там осталась, – грустно прошептал Семён и они отправились к своей лодке.

Бережной вернулся на катер. Немного посидев после возвращения в физическое тело, они вместе с Востриковым поднялись к кустам, где Бережной оставил Грелкина. Тот продолжал пребывать под наркозом. Рядом лежала папка и длинный бур.

Грелкин очнулся когда уже смеркалось. Голова гудела как колокол. Он старался припомнить, как оказался в кустах и вообще что произошло. В голову лезла мысль, что надо пробурить

ещё около десятка отверстий. Кряхтя, он выбрался на свободное место и, шатаясь, отправился к месту, под которым находился грот. Там был провал. Грелкин соскользнул по образовавшейся насыпи вниз и попробовал представить, что тут произошло. «Неужели...?», как игла врезалась мысль в мозг. Второй грот был целым. «Их же двое было?» – подумал Грелкин и начал медленно раскапывать руками обвал.

Копать пришлось не долго. Что-то твёрдое обнаружилось под песком. Почти совсем стемнело и разобрать, что это было невозможно. Грелкин хотел прекратить раскопки, но, немного подумав, он решил продолжить. Какого же было его удивление, когда через несколько минут он выкопал собственный бур. Через полчаса усердного копания он вытащил пожарную лопату. Папки не было. На другом берегу острова его ждал ещё один удар – надувной лодки в потайном месте тоже не оказалось. Плавать Грелкин не умел.

Глава 5.

Мир не так прост.

Во время дачного сезона семья Семёна получила новую квартиру и в августе прямо с дачи все туда и переехали. Для Семёна переезд оказался делом несложным, он даже не съездил в свой старый двор попрощаться со старыми друзьями. Теперь его новый двор находился в двух минутах ходьбы от двора, где жил Жорик, где жила Тамара. И идти ему предстояло в новую школу, где учились его дачные друзья. Это было просто подарком судьбы. В восьмом «А» училась Тамара, Семён пошёл в «Б» класс, а Жоржик (так называл его друг детства Виталик, который жил в том же дворе) учился в «В» классе.

Надо отметить такое обстоятельство. За это лето Семён вдруг вырос больше чем на пятнадцать сантиметров и обогнал по росту многих своих сверстников, в том числе и Жорика, и Тамару. Это многих удивляло, кто знал семью Молнар ранее, и только Востриков, таинственно подмигивая, говорил: «Генетика и ДНК – разные вещи». Теперь на физкультуре Семён стоял вторым в своём новом классе. Для себя Семён это объяснял просто: сила любви заставила его вырасти.

Оба выпускных экзамена в восьмом классе и по русскому, и по математике Семён написал на отлично. На экзамен по математике давалось два часа, но уже через полчаса Семён был готов сдать свой экзаменационный лист. Тут ему на плечо легла рука его классного руководителя Веры Кондратьевны, учительницы немецкого языка. Она наклонилась к уху Семёна и тихонько прошептала: «Реши ещё это задание» и положила перед Семёном ещё один экзаменационный лист.

В классе за экзамен по математике было поставлено всего три пятёрки: Семёну, девочке, что сидела за первой партой и Вовке Григорьеву. Это ему Семён решил экзаменационные задачи с подачи Веры Кондратьевны. После учебного года Семёну предложили ехать в Новосибирск, в школу-интернат, где обучали одарённых ребяташек по более широкой программе по математике и физике. Семён наотрез отказался, как его не уговаривали.

В школе, где учился Семён, начиная с девятого класса, набирался дополнительный класс «Г» со всего города. Это делалось для ребяташек, кто хотел углублённо изучать математику. Чтобы попасть в этот класс необходимо было пройти собеседование. Первого сентября нового учебного года в коридоре школы Семёна вдруг остановил учитель математики Аркадий Андреевич.

- Пойдёшь учиться в «Г» класс, – сказал он голосом не допускающим возражения.
- Я не хочу, – возразил было Семён.
- А тебя и не спрашивают. Собеседование тебе проходить не надо.

Так Семён оказался в «Г» классе. Туда же попросился и Вовка Григорьев. Взяли и его, но через месяц он попросился обратно. В «Г» класс перешла и Тамара. Теперь у Семёна стало на четыре предмета математики больше. Математический анализ и решение задач повышенной трудности преподавала сама директриса, а два других новых предмета вели профессора из педагогического вуза. Именно на этих занятиях Семёну больше всего хотелось блеснуть и показать, что он – лучший. Ведь в классе сидела девушка, без которой Семён не представлял себе жизнь.

* * *

Грелкин сосредоточенно слушал очередную порцию инструкций на ближайшее время. На днях Погребняк получил ответ из информационного отдела ЦЦ на десяти страницах. Внимательно его изучив и сопоставив с оперативной информацией, которую регулярно получал от своего подчинённого, Погребняк сделал для себя вывод, что начинают просматриваться задачи, которыми занимается «СОН». При понимании этой работы действия группы Погребняка можно было строить более эффективно. Но глобальная цель операции по-прежнему была неясна.

– Опыт работы на водах у тебя уже есть, отправившись на Чёрное море, – Погребняк весело хохотнул, – надеюсь, что из морских далей тебя не придётся вытаскивать, как с Енисея, где ты застрял на этом треклятом острове, как Крузо.

Грелкин, потупившись молчал.

– Работаем на прежнем уровне. Как появится примерный план операции, сразу сообщу.

– Какое оборудование брать с собой?

– Определишься по месту, новую линейку приобрёл?

– Да, гэдээровскую.

– А чем она лучше местной?

– Компактней, круглая.

– Какая? Ну-ка покажи, – Погребняк протянул руку. Грелкин достал из внутреннего кармана пиджака плоский диск с кольцеобразной градуировкой и подал шефу. Тот повертел его и вернул владельцу.

– Да, навьчисляешь ты, чувствую, на этой штуковине. Смотри, ещё за шпиона примут.

– Когда отбывать и где точка назначения? – Грелкин подобострастно кивал головой.

– Отбывай хоть сегодня, точка – Адлер.

Ответ из информационного отдела получил и Бережной. Чего-то такого, что могло быть полезно Антону сегодня, он не нашёл. Сейчас его больше занимали черновики из папки Грелкина. Что, например, обозначает пометка, обведённая жирным карандашом: «собака (спаниель)». Может быть они задумали натравить на него бешеного пса, но почему обязательно спаниель. Спаниель – пёс охотничьей породы. Может быть, это как-то связано с охотой? Папку он раздобыл больше года назад. Может быть, эти записи уже неактуальны, но что же они означали?...

Вечером прибыл взволнованный Востриков.

– Непонятную активность проявляет Грелкин, – начал Иван, усаживаясь за стол, – дважды уже мотался в кассы аэрофлота. Куда-то собирается лететь, что ли? Но пока никаких билетов не покупал.

– Хорошо, – быстро включился в разговор Бережной, – это я беру на себя. Не хватало нам ещё потерять их из виду.

* * *

После летней практики на вычислительном центре педагогического института весь класс должен был ехать в Анапу на два месяца. Была договорённость с местным совхозом, что школьники будут помогать в работе садового хозяйства. Совхоз обязывался кроме зарплаты устраивать ещё и поездки на море. Несколько учителей должны были сопровождать учеников во время всей поездки. Семён не мог принять участие в этом мероприятии, так как его семья впервые собралась поехать в июле на Чёрное море в Адлер. Поездка на море – это здорово, но выходило, что он опять до сентября не увидит Тамару, а все основные её поклонники будут с ней рядом. Эта мысль больше всего угнетала Семёна. Ехать собирались поездом. Это тоже было интересно – три дня в своём купе.

Кассы аэрофлота были на углу дома по проспекту Мира, где находился один из центральных гастрономов города. В народе его называли Гэвээфовский гастроном. В разгар отпускного сезона билеты на самолёт было взять практически невозможно. Пришлось воспользоваться бронью КГБ в лице Погребняка. Накануне он лично зарезервировал билет для Грелкина. И хотя Грелкин кричал: «я по брони», без очереди его к кассам всё равно не пустили. Честно отстояв в очереди и взяв билет, утирая пот с лица кепкой, он выбрался наконец на улицу. Там тоже была жара. Прямо за углом в тени дома торговали квасом из бочки и Грелкин пристроился в очередь за квасом. Очередь двигалась быстро. Прямо рядом с бочкой тормознул жёлтый, как и квасная бочка, но с синей полосой, милицейский уазик. Из него выскочили два милиционера и тоже встали в очередь за квасом. Народ в очереди стал предлагать сотрудникам милиции взять квас без очереди, но честные сотрудники не стали пользоваться служебным положением и пристроились за Грелкиным. То ли от волнения при такой близости к милиции, то ли просто солнце напекло в макушку, прикрытую кепкой, то ли от долгого стояния в очереди за билетами, то ли от всего вместе взятого, но через мгновение, как приехала милиция, Грелкин прямо в очереди хлопнулся в обморок. «Помогите человеку», «Есть в очереди медики?», «Милиция, вы куда смотрите? Помогите человеку, неотложка за углом» тут же загомонили вся очередь. Милиционеры, стоявшие в очереди, погрузили упавшего в свой «цыплёнок» и дали газу. Больше очередь Грелкина не видела никогда.

Очнулся Грелкин в каком-то полутёмном сарае, лёжа не то на крышке большого ларя, застеленного худеньким матрацем, не то – просто на нарах. Он был в своей одежде и на макушке была его любимая кепка. Под невысоким потолком тлела маловатная одинокая лампочка. Посмотрев на свои наручные часы, он сообразил, что прошёл примерно час, как он вышел из касс аэрофлота и встал в очередь за квасом. А дальше всё путалось. Вроде милиция приезжала... Больше Грелкин ничего вспомнить не мог. Он обошёл комнату по периметру и обнаружил две двери. Одна была наглухо закрыта. В ней даже не было дверной ручки. За второй дверью был деревянный нужник с одной дыркой. Больше всего его удивило то, что в диаметрально противоположном от нужника углу комнаты стоял действующий холодильник «Орск», до отказа набитый едой и питьём. Рядом с дверью нужника стоял большой бак с водой. Мысли у Грелкина путались. Он пошарил по карманам – и деньги, и билет на самолёт исчезли. Больше в карманах ничего не было. «Если рационально использовать содержимое холодильника, то можно, наверное, месяц соразмерно протянуть», – мелькнуло в голове Грелкина. Оставалось одно – воспользоваться тонким телом и сообщить шефу о случившемся. При этой мысли у Грелкина всё сжалось внутри. Но другого выхода не было. Как извлечь отсюда физическое тело – это была вторая задача.

Он прилёг на нары, расслабился и выкатился из физического тела. Ни сквозь стены, ни сквозь потолок, ни сквозь пол проникнуть не удалось. «Клетка Фарадея», – понял Грелкин. Он завис под потолком, думая, что предпринять. Оставалось попробовать выбраться наружу, нырнув в нужник. Тонкое тело лишено чувства обоняния и вкуса, но, при одном осознании этой мысли по телу проходила дрожь. Грелкин нырнул в дырку нужника. Но и таким образом выбраться не удалось. Клетка Фарадея была всюду. Вдруг в воображении Грелкина отчёт-

ливо возникла выгребная яма, до верха заполненная фекальными сливами, а Грелкин отчаянно барахтается в этой жиже, колотя руками по поверхности. Он вернулся в физическое тело. Это была ловушка. Ровно в двадцать три ноль-ноль погасла лампочка – делать было нечего, надо было спать.

* * *

Бережной переоформил билет на самолёт на своё имя и ближайшим рейсом улетел в Адлер.

В море было легко плавать – вода была более плотная чем в Енисее. Семён и его сестра практически целыми днями не вылазили из воды. Однажды, отдыхая на пляжном лежаке, Семён подслушал такой разговор. Разговаривали местные пацаны, по соседству загоравшие на пляжной гальке.

- Завтра шторм обещают, – говорил один из местных, – пойдём купаться?
- Обязательно, – подхватил другой голос, – шторма может потом до конца лета не будет.
- Во сколько встречаемся?
- Как начнётся шторм, так и пойдём.
- Я могу за тобой зайти.
- Договорились.

На следующий день, действительно, погода резко переменялась. Небо было затянуто тёмными низкими тучами и сыпал, время от времени мелкий дождь. Семён сказал родителям, что прогуляется до моря и через часок вернётся.

Вода в море была неопределённо тёмного цвета. Море волновалось и по нему ходили большие плавные волны. Пляж был абсолютно пустым. Семён помнил подслушанный вчера разговор. Он окинул взглядом весь пляж на сколько хватало глаз и не заметил ни одного человека. Вода была более прохладной чем обычно, но не холодной. Семён уже зашёл в море по грудь, когда отхлынувшая волна вдруг подхватила его и понесла в море. Он легко доплыл до буйков и повернул к берегу. Плавать в шторм, действительно, было здорово. Волны поднимали пловца на самый верх, открывая далёкую панораму, а потом, вдруг бросали вниз между гребнями, как в водный овраг. Он уже почувствовал ногами прибрежную гальку, когда его догнала набегающая волна и обрушила на него потоки чёрной воды. Семён удивился тому, что в воде, казалось, были камни. Они больно барабанили по всему телу и голове. Схлынувшая волна подхватила вынырнувшего Семёна и снова понесла в море. Он подналёг и снова уже был у берега, снова почувствовал гальку пальцами ног. Оглянувшись, он увидел, как страшная чёрная стена воды падает на него с неба. Снова камни били по телу и Семён прижал ладони к вискам, боясь удара по голове подводного камня. Вынырнув из воды, он понял, что его снова унесло в море.

Так повторялось снова и снова и Семён в отчаянии понял, что катастрофически теряет силы. Подплывая в очередной раз к берегу, он заметил одинокую тёмную фигуру. Это был мужчина. Он жестиком указывал руками, явно обращаясь к Семёну и что-то крича. Рёв на море стоял такой, что разобрать слова не было никакой возможности. И вдруг Семён почувствовал, что вроде какой-то внутренний голос внутри него ясно сказал ему: «Нырять в набегающую волну, как в стену!». Семён уже почти вышел из воды, до берега оставалось несколько метров, когда его снова догнала страшная волна. Он развернулся и бросился головой вперёд в чёрную водную стену, закрыв глаза. Тишина поразила его. Вынырнув он понял, что волна не поймала его и уходит в море. Семён из последних сил доплыл до берега и, как мёртвый рухнул на родную землю. Волны трогали его ноги, но забрать в море уже не могли.

Сколько он так пролежал было неизвестно. Шторм набирал силу. Семён оглянулся вокруг себя – он искал глазами того, кто отчаянно жестиком указывал и подавал знаки руками, но вокруг никого не было.

Перед отъездом в Красноярск он купил в киоске маленького фаянсового бегемота и хранил его потом всю жизнь. Бегемот был такой маленький, что полностью умещался на ладони. И почему-то его хотелось назвать гиппопотамом.

* * *

Исчезновение Грелкина озадачило Погребняка. В условленное время он не вышел по электромагнитной связи. Если предположить, что Грелкин потерял своё физическое тело, то тонкое тело продолжало бы существовать. Человек с такой фамилией не летал известным рейсом в Адлер. Поездом он тоже туда не ездил. В ЦЦ не возвращался. Его просто вообще нигде не было. Можно было подать в Центр запрос на тотальное сканирование всего околоземного пространства, но Погребняк пока этого не хотел делать. Он помнил исчезновение Грелкина, который потом объявился в тонком теле, и пришлось предпринимать целую операцию по вытаскиванию его физического тела с острова. Он чувствовал, что это не случайность, а, скорее всего, действия тех, кому мог помешать Грелкин. Вещи его оставались в комнате нетронутыми. Кружок – чудо логарифмической линейки – сиротливо лежал на его столе.

Вечером одного из первых дней августа в дверь комнаты, которую снимал Погребняк, неожиданно постучали.

– Вам кого? – спросил Погребняк, открывая дверь и разглядывая незнакомого мужика. – Ошиблись адресом, товарищ, – сказал Погребняк и хотел закрыть дверь.

– Шеу, – снимая кепку прохрипел пришедший. В этот момент Погребняк его узнал по кепке. Он медленно отступил, предлагая Бастиону войти. Слов не было. Грелкин остановился на пороге и сразу начал рассказывать свою историю.

Он поведал, как оказался в клетке Фарадея. Рассказал о предпринятых попытках освободиться. Погребняк не предлагал ему сесть. Внешне он не выглядел человеком, прибывшим из тюремных застенков. Погребняку показалось, что он даже наел розжу. «Помордел, – подумал Погребняк, разглядывая прищельца, – солидная мордастость». Кепка подчёркивала заметно раздобревшие щёки. Из под кепки свешивались слипшиеся патлы волос, которые переходили в неопрятную бороду. От Грелкина веяло какой-то кислятиной.

– В одиннадцать часов гас свет, – рассказывал Грелкин, – и хошь не хошь надо было ложиться спать соразмерно. В шесть утра снова загоралась лампочка и тишина... Сегодня утром проснулся оттого, что закричал петух.

Грелкин проснулся в каком-то курятнике. Обследовав местность, при этом чуть не до смерти напугав хозяйку своим появлением из курятника, и сориентировавшись по Солнцу, он отправился на восток. Местный мужик сказал, что он правильно идёт в сторону Красноярска, а деревня называется «Солонцы». Денег не было, а попутки не останавливались. Грелкин прошагал весь световой день и к ночи прибыл домой.

– Легко отделался, – укоризненно пробурчал Погребняк, – что прикажешь сообщить наверх? Изложи всё на бумаге и поподробнее. Во всём этом чувствуется рука «СС». Тут они начисто нас переиграли. Завтра жду тебя для получения дальнейших инструкций.

Во второй половине следующего дня Грелкин прибыл к Погребняку вымытый, постриженный и в новой кепке. «Да, – подумал Погребняк, – мордастость явно повысилась».

– У тебя что было по курсу теории искушений, – начал Погребняк, жестом указывая на стул.

– Так, отлично, шеу.

– Слушай, обращай ко мне лучше «Босс», а то твой хохляцкий прононс меня начинает нервировать. Основная функция искушения – это сбить человека с намеченного пути. Я думаю, что нам сегодня понятно направление, по которому действует «СОН». И то искушение, которое мы с тобой отработали, действительно, но всё-таки косвенно. Оно не напрямую

уводит от цели, а как бы способствует этому отклонению. Продумай новую линию. Да, и не забывай об отчёте о случившемся. Что-то мне подсказывает, что уже не одна группа «СС» задействована в этой операции. «Клетка Фарадея» – это серьёзно, но почему держали только месяц? Возможно им нужен был именно этот месяц. Я точно знаю, что Центр получил на днях от них отчёт, а мы отчёта не посылали, нечего было докладывать. Что в их отчёте я, конечно, не знаю. Думай и продолжай подготовку операции «Печать». Здесь усматривается хорошая перспектива и такое искушение на виду не просматривается. Если всё сделать грамотно, то, ох не скоро, противная сторона вообще догадается, что искушение было, и предотвратить его будет трудно, а бороться – и подавно.

– Слушаюсь, Ше...Босс. – Грелкин даже щёлкнул каблукми сверкающих ваксой ботинок. Он был рад, что всё так закончилось. С другой стороны и, это очевидно, что попал он почти в безвыходную ситуацию. Промах был где-то в очереди за квасом, а, может быть, и ещё раньше – в очереди за авиабилетами. Где-то тут он, действительно, дал маху – позволил себе расслабиться.

* * *

Выпускное сочинение написали и надо было готовиться к устному экзамену по математике. Семён сидел на даче и пролистывал старые учебники. Неожиданно он поймал себя на мысли, что не помнит доказательства теоремы Пифагора. Более того – он даже не помнил в каком классе это изучали. Идея пришла мгновенно – надо самому придумать это доказательство. Он достал специальную тетрадь, которую приготовил для подготовки к экзамену, и углубился в теорему.

Через час доказательство было найдено и Семён аккуратно переписал его начисто. Ещё примерно через час припёрся Вовка по прозвищу «Генерал» (папа у него был настоящим генералом, фронтовиком и героем) старый дружбан и сосед по дачам и попросил, чтобы Семён помог ему с математикой. Семён даже представить себе не мог, как можно помочь накануне выпускного экзамена, если человек в течение десяти лет математику учил абы как.

– Как же я тебе помогу, с чего начинать? Это же все шесть лет надо пройти постепенно, – недоумевал Семён.

– Ну, хотя бы теорему Пифагора – попросил Вовка.

«Что это сегодня всем понадобилась именно теорема Пифагора», подумал Семён.

– Теорему Пифагора могу, но собственное доказательство, как в учебнике, сам не знаю. Семён открыл тетрадь, сделал необходимый чертёж и изложил Вовке своё доказательство.

– Спасибо, – поблагодарил Вовка и отправился домой.

– И это всё? – в недоумении крикнул Семён.

– Этого бы не забыть, – махнул Вовка рукой. Он учился в «А» классе и экзамен они сдавали первыми.

В экзаменационный класс Генерал вошёл первым. На столе хаотически лежали белые бумажные прямоугольники. За столом сидели директор и завуч – оба преподавали математику.

– Прошу, – сказала директор. Вовка, считая вслух, произвольно тыкал пальцем в билеты. На числе пять он остановился и взял белый листок.

– Билет номер пять, – Вовка показал билет комиссии.

– Надо же, – удивлённо покачала головой директор. Ольга шла второй и, видя Вовкины манипуляции у стола, принялась считать до тринадцати. На заветном числе она взяла белый прямоугольник и громко объявила: «Билет номер тринадцать». Директор не поверила своим глазам и принялась перемешивать на столе билеты. В это время к доске вышел Вовка.

– Что случилось, – взволнованно спросил завуч.

– Готов отвечать, – бодро сказал Генерал.
– Ну, пожалуйста, – математики недоумённо пожали плечами.
– Теорема Пифагора, – прочитал Вовка название вопроса в билете и взял в руки мел.
Через несколько секунд теорема была доказана.
– Владимир, где вы нашли это доказательство? – учителя сидели, открыв рот.
– Да, как-то во дворе, вечером с ребятами сидели... – неопределённо сказал Вовка.
– Ничего себе, занятия во дворе у пацанов, – искренно удивился завуч, – отлично, молодой человек. И задачу решил?

– Задачу? – Вовка с удивлением посмотрел на билет.

– Да пусть идёт, – сказала директор, – такое доказательство достойно любого учебника.

Вечером Генерал, захлёбываясь, рассказал эту историю Семёну. Семён был рад, что помог другу, однако что-то на душе скребануло от того, что Вовка не назвал имя истинного автора этого доказательства. Но он быстро об этом забыл.

Экзамены были сданы и надо было думать, куда идти учиться дальше. Для Семёна здесь вопрос не стоял, он хотел и дальше изучать математику, но вдруг случилось непредвиденное. На домашнем совете все родственники выразили уверенность, что Семёну, как потомственному энергетнику, надо поступать в политехнический институт, чтобы дальше учиться в этом направлении. И даже более конкретно – все были уверены, что это должен быть «Теплоэнергетический» факультет.

– Сынок, – говорила мама, – никуда не денется от тебя твоя математика – это ведь инженерный институт, там много будет математики.

Вечером, узнав, что Семён собрался подавать документы в политех, Жорик тоже решил поступать вместе с ним, но ждал возвращения отца из командировки и поэтому документы подал днём позже. Из-за этого они попали в разные группы поступающих. Математику Жорик написал на двойку и срочно перекинул свои документы в технологический – там вступительные экзамены были днём позже.

В конце августа друзья решили коллективно отметить поступления в институты. Решили собраться самой близкой компанией. Семён поступил в политех, Жорик – в технологический, Геня – в медицинский, Виталик, живший в одном дворе с Жориком, тоже поступил в медицинский и Игорь, с которым Жорик сидел за одной партией, стал тоже студентом-медиком.

Студент, успешно сдавший вступительные экзамены, ещё не был полноценным студентом. Его называли абитуриент. Все абитуриенты в конце лета, как правило, отправлялись в подшефные колхозы помогать местным жителям бороться за урожай.

* * *

Баржа шла по Красноярскому морю одиннадцать часов и пристала к берегу только глубокой ночью. Грелкин удачно смешался со студенческой средой и старался не выпустить из вида своего подопечного. На борту находилось две сотни абитуриентов «Теплоэнергетического» факультета. Студенты быстро знакомились друг с другом и обретали новых друзей. Бережной тоже был на барже, но действовал официально – как оперуполномоченный.

В кромешной мгле была дана команда «грузиться по машинам» и двадцать два абитуриента отбыли в деревню «Курганы». Их никто не встречал, более того – с ними никто не приехал из руководителей. Грузовик остановился возле «Отеля Бристоль», как было вырезано на дощечке, прибитой к одинокому сараю на краю деревни. Сарай был разделён на две половины, в которых разместились четырнадцать девушек и восемь юношей.

Утром пришёл местный мужик и забрал на ток девятнадцать человек. В сарае осталось три человека: два студента с одинаковым именем Валерий и Семён. После знакомства одного из Валериев стали называть Валера Северный, так как он был родом из Норильска. К обеду

приехал ещё один мужик и сказал, что завтра с утра эта троица должна быть на поле, где растёт турнепс. Туда приедет трактор с прицепом и тракторист объяснит, что надо делать.

Никакие руководители от института по-прежнему не объявлялись. Вечером Валера Северный и Семён изловили местного гуся, отогнав его от общего стада и загнав в бурьян. Они присмотрели его ещё днём. Гусь был выпотрошен и зажарен на импровизированном вертеле недалеко от сарая. Среди студентов оказался один, кто уже отслужил в армии. В его рюкзаке оказалась бутылка водки. Не очень прожаренный гусь очень хорошо пошёл под водку. Правда отведать местного гуся вызвалось всего человек шесть.

Утром троица безработных абитуриентов отправилась в указанном направлении в поисках турнепсового поля. Скоро действительно нашёлся пустой прицеп. Два Валерия отправились обследовать поле, а Семён залез под прицеп и задремал. Рядом находилась силостная яма и из неё доносился новый для Семёна вкусный запах свежескошенной травы. Семён мечтал о своей Тамаре. Теперь он называл её именно своей. Весь период вступительных экзаменов Семён непременно её сопровождал. Она поступала в педагогический на «ин.-яз.». Между экзаменами успевали сходить в кино. Семён был счастлив. Но тут – этот колхоз...

* * *

Грелкин установил свою палатку на дне одного из шурфов. Эти шурфы окружали деревню со всех сторон. В недалёком прошлом археологи перекопали всё вокруг, вскрывая местные курганы.

Вычислить, где залёг Грелкин, было не трудно. Бережной рассуждал, сидя на краю шурфа. Можно было просто ликвидировать противника. Никаких запретов на это не было, но он понимал, что этим дело не кончится – вместо Грелкина явится кто-то другой и неизвестно: легче с ним будет, чем с Грелкиным.

Утром Грелкин проснулся связанным. Попытался освободиться, но сразу это сделать ему не удалось. Пришлось воспользоваться тонким телом.

Трактор пришёл часам к десяти. Тракторист Петя, может быть, только на два-три года постарше студентов объяснил задачу. Прицеп загружается турнепсом и отвозится на поле, где пасутся деревенские коровы – они очень уважали турнепс в виде корма. Трое студентов быстро загрузили прицеп доверху и, расположившись на куче турнепса, проследовали на весовую. Там прицеп взвесили и записали время первого рейса. Петя предложил отметить почин и вся бригада на своём тракторе с прицепом отправилась в соседний сельпо за портвейном. Про поле, где паслись коровы, никто и не вспомнил. Через час с небольшим трактор снова прибыл на весовую и снова прошёл процедуру взвешивания с тем же турнепсом. Студентам записали второй рейс. Петя сказал, что светиться не стоит и бригада отправилась в сельпо другой деревни. Портвейн отлично закусывался турнепсом. Коровы продолжали голодать и начали потихоньку мычать в ожидании турнепса. В обед весёлая бригада уже в третий раз прибыла на весовую всё с тем же грузом. После взвешивания Петя сообщил, что знает ещё одну точку. Довольные студенты вновь залегли в прицепе, радуясь жизни.

Бережной утром прибыл проверить состояние Грелкина и понял, что тот где-то путешествует в тонком теле. Делать было нечего. Антон вытянулся рядом с Грелкиным, выкатился из физического тела и отправился на его поиски.

Коробка передач трактора «Белорус» имеет восемнадцать скоростей вперёд и четыре назад. Оттого и вероятность поломки в коробке сильно возростала. Где-то на двенадцатой скорости что-то заело и Петя никак не мог справиться с рычагом переключателя. Трактор шёл на подъём. Окончательно потеряв инерцию, трактор начал скатываться с холма. В этот момент Бережной заметил на сцепке трактора с прицепом парящего Грелкина. Грелкин, используя своё электромагнитное поле, старался выдернуть железный «палец», который связывал трак-

тор с прицепом. Подлетев к Грелкину, Бережной саданул его таким разрядом, что чуть было не разметал его тонкое тело на единичные электроны, но было поздно – прицеп отделился от трактора и начал, всё ускоряясь катиться с холма. А справа от дороги находился и вовсе овраг. Прицеп, вилля передними колёсами со сцепкой, набирал скорость.

– Прыгай, – истошно завопил Петя, высовываясь из трактора. Семён очнулся от дрёмы от этого истошного крика и в одну секунду оценил обстановку. Хмель мгновенно вылетел. Толкнув в бок, что есть силы, Валерку Северного и не думая, как будет приземляться, сиганул с вихлявшего прицепа. Краем глаза он видел, как градом сыпется турнепс. Колёса прицепа резко дёрнулись и он с грохотом и чавканьем, давя вываливающийся турнепс, перевернулся в полуметре от упавшего на землю Семёна. Северный, прыгая с прицепа, столкнул и второго Валерку. От прицепа отлетели какие-то детали, а сцепка на двух передних колёсах и вовсе укатилась в овраг.

Утром следующего дня «Бристоль» навестил председатель правления деревни «Курганы» и сказал, что сегодня же отправит в город трёх нерадивых студентов. В его ушах ещё слышалось протяжное голодное мычание коров, которых вчера вечером пригнали с поля.

А в то время, как наша бригада грузилась накануне на прицеп своего первого рейса, пастух Василий, гнавший гусей на выпас, бросил взгляд в провал одного из шурфов и остолбенел. На дне шурфа стояла палатка.

– Эй, есть кто живой? – крикнул Василий и прислушался. Шурф был неглубокий и Василий, спрыгнув вниз, приоткрыл полог палатки. Холодный пот окатил бедного Василия с ног до головы. В палатке было два неподвижных тела. Одно тело было крепко связано по рукам и ногам. Василия вынесло из шурфа, как пружиной. Забыв про своих гусей, он бросился в управу за участковым.

Участковый прибыл в «Курганы» только после обеда. Взволнованный Василий тут же проводил его до того места, где была обнаружена страшная находка. Василий утверждал, что обнаружил два трупа. Каково же было его удивление, когда никакой палатки в шурфе не обнаружилось, хотя одно связанное тело по-прежнему лежало на дне шурфа. Тело было абсолютно голым, но ноги и руки оставались прочно связанными. На груди у трупа лежал паспорт на имя Грелкина С. П. Василий утверждал, что утром это тело было одетым, как полагалось мужчине, то есть в штанах, рубашке, ботинках и кепке. При внимательном осмотрении выяснилось, что связанный не является трупом, а просто находится в каком-то литоргическом сне. Брошенные на произвол судьбы гуси дополнительных показаний дать не могли.

После шокового электроудара, собрав в кулак все свои электроны, как сказал бы Погребняк, Грелкин отправился к своему физическому телу и, ничему не удивляясь, обнаружил его пребывающим в районной больнице.

* * *

В середине октября, загоревший и поднабравший в весе Семён (Погребняк бы сказал: «мордастость налицо»), вернулся на «Метеоре» в Красноярск. В тот же вечер, сидя в беседке двора за стаканом портвейна, Жорик рассказал Семёну, что умер отец Виталика.

– А этот сука – профессор Грушевский, – сцепив зубы и прихлёбывая из стакана, говорил возмущённый Жорик, – на похоронах анекдоты, гад, рассказывал.

– Это этот Грушевский? – уточнял Семён, показывая рукой на подъезд, где жили Грушевские.

– Он, кто же ещё.

Профессор Грушевский и профессор Езиешвили (отец Виталика – известный гинеколог – был учёным с европейским именем) жили в одном подъезде.

В эту же ночь Семён разломал «Москвич», стоявший под окнами Грушевых, до самого неприглядного состояния. Всё, что можно было отломать, было отломано, всё что можно было разбить, было разбито. Колёса были проколоты.

Своими колхозными приключениями Семён поделился только с сестрой – он был уверен, что она его никогда не выдаст. А рассказать было что. Семён рассказал историю с переворачиванием прицепа, историю, как чуть не сгорел в стоге сена, историю с угнанным и разбитым солдатским грузовиком, о стычках с приезжими механизаторами, в одной из которых ему вилами проткнули бедро. Семёна трижды выгоняли из деревни, но другие деревни не хотели принимать эту троицу. Он остался должен колхозу полторы сотни рублей, но девчонки из их отряда заплатили за него. О том, что такое женщина в практических руководствах местной Машки-общественницы, Семён сестре не рассказал.

Перед самым новым годом доцент Рубайло дал итоговую контрольную по математике.

– Голынский – отлично, – говорил Владимир Иосифович Рубайло, протягивая студенту его листок с контрольной работой. – Онищенко – удовлетворительно. Ещё одна пятёрка и остальные двойки, – преподаватель окинул взором притихший класс, сделал паузу и продолжил, – кто такой Молнар?

Семён поднялся из-за последнего стола.

– Я вижу Вас, молодой человек, второй раз. Сидя на последней парте, вы не могли списать у Голынского. Голынский тоже не мог вам помочь, сидя на первом ряду у меня перед глазами. Я вынужден поставить вам отлично – в контрольной нет ни одной ошибки, но я не помню вас ни на одном занятии. Вы пришли первый раз сразу на контрольную. В журнале вы записаны, но здесь сплошные «н». Вы можете это как-то объяснить? Где вы изучали векторную алгебру, может быть, дома?

– Дома, – ответил Семён, иронично улыбаясь.

С поступлением в институт у Семёна появился новый друг Николай. Они учились на одном факультете, но в разных группах. Абитуриентами они познакомились на барже, но ночная выгрузка развела их по разным деревням. Вернувшись из колхоза, они снова нашли друг друга. У них немало было общего. Оба носили усы. Оба были одного роста – под метр девяносто. Оба болели за «Спартак». Но в спорте Семён отдавал предпочтение футболу, а Николай – боксу. Он и боксом занимался в спортобществе «Спартак». Именно Коля предложил Семёну после первого курса поступить параллельно в монтажный техникум по свидетельству из восьмого класса.

– Будем две стипендии получать, – приводил весомый аргумент Николай. Так они и сделали, но это отдельная история.

* * *

– Я исчезаю, – говорил Востриков, сидя за столом у Бережного, – на днях получил разрешение на контакт с транспортниками.

– Какими транспортниками?

– Нашими конечно.

– Зачем тебе это, если не секрет конечно?

– Ты, конечно знаешь, что такое грузовик класса «Т». А на Земле такое чудо видели от силы один-два раза и то случайно. Это должно будоражить воображение.

– Хочется, чтобы это будоражение было в нужном направлении, – покачивая головой, сказал Бережной, – впрочем, тебе видней, это твоя епархия, – Бережной через стол передал Ивану какой-то кружок.

– Что это? – Востриков стал рассматривать кружок, вертя его со всех сторон.

– Темнота, – иронично протянул Антон Харитонович, – логарифмическая линейка, круглая. Сделано в ГДР. А ты: «транспортный грузовик».

– Для чего тебе?

– У Пыжика конфисковал? А, может, надо было оставить? Засветится где-нибудь – за шпиона немецкого примут, – хохотнул Бережной. – Мне всё чаще начинает казаться, что не одна группа Погребняка участвует в этом деле. Помнишь, прошлым летом мы изолировали нашего Пыжика, а в море пацан чуть не утонул. Это как? Случайность?

– Я тоже думал по этому поводу, – сказал Иван, – если бы Погребняк действовал не в одиночку, в смысле группы, то и «СС» прислал бы ещё одну группу. В целях чистоты всей операции, чтобы не было перекоса в какую-то одну сторону. Логично?

– Какая-то логика в этом есть, но уж больно много получается неконтролируемых ситуаций. Может, старею и мне тоже нужен молодой помощник. Я ведь наводил справки наверху. Именно по этой аргументации прислали Грелкина.

– Кстати, был ответ на твой информационный запрос?

– Ответ пришёл, но какую-то пользу я с него вытащить не смог.

– Дашь взглянуть?

– Извини, уничтожил. Как по инструкции. Да нет там ничего такого, поверь. Ума не приложу, зачем он Погребняку понадобился?

– Ну, это можно предположить, – Иван вернул кружок логарифмической линейки Бережному, – он ведь вообще ничего не знал. В каком, например, направлении надо искушать? Ведь они не только ликвидаторы, но и искусители, так сказать. Вдруг бы эта информация дала какую-нибудь зацепку...

– Ты, знаешь, а ведь то, что наш подшефный оказался в политехе – это можно рассматривать и как искушение?

– Возможно. Лично меня это огорошило, – Востриков встал из-за стола, – ладно, держи круговую оборону. Когда вернусь, не знаю.

Они пожали друг другу руки.

* * *

Незаметно пролетел год. Занятия в институте ничем новым не радовали. Семён часто прогуливал и однажды, убивая время, завернул в кино, в кинотеатр «Совкино». Он даже на афишу не посмотрел. Обалдевший от кинофильма он примчался домой и сразу полез в родительский книжный шкаф. Вот эти два толстеньких зелёных тома. Да, «Игрок» – это Достоевский. С каким-то смешанным чувством вспомнилась ему школа, как Светлана Егоровна задала на дом написать сочинение. Но сначала надо было посмотреть фильм «Преступление и наказание». Семён тогда ни фильм не посмотрел, ни сочинения не написал. Сочинил какой-то дурацкий рассказ и вложил его в тетрадь вместо сочинения. Удивительно то, что Светлана Егоровна не стала ругать его за это, а проверила ошибки и написала маленькую рецензию на рассказ. А теперь Достоевский вдруг открылся Семёну.

Был особый час – семь часов вечера, когда большинство жильцов двора, где жил Жорик, выходило на улицу. В это время приезжал мусоровоз, чтобы забрать бытовой мусор. Если подойти к этому часу во двор, то можно было встретить нужного тебе человека. Многие именно так и делали. После того, как мусоровоз уезжал никто не торопился расходиться, а оставались стоять посреди двора и вести незатейливые разговоры.

В этот осенний вечер погода была ясная тихая и немного морозная. Темнело уже рано. Жорик, Семён и ещё несколько человек из двора просто стояли, беседуя ни о чём.

– Смотри – знамение, – Жорик вдруг показал рукой на небо. Над крышей краевой библиотеки, метрах в пятидесяти или ста над землёй, в полной тишине двигался огромный, гео-

метрически идеальный бублик. Математики такую фигуру называют тор. По внешнему виду чувствовалось, что бублик не плоский, не кольцо, а именно – тор. На фоне звёздного, безоблачного чёрного неба его было хорошо видно. Он был металлического голубовато-серого цвета. Если спроектировать его размеры на крышу, над которой он двигался, то диаметр тора занимал бы примерно четверть длины крыши библиотечного здания. С учётом высоты, на которой он летел, можно было предположить, что он огромных размеров. Тор двигался с постоянной скоростью, не ускоряясь и не замедляясь – он плыл по небу. Дойдя до края крыши, он стал вдруг исчезать. Ощущение было такое, что он заходит за невидимую в небе вертикальную преграду. Как будто уходил за угол дома или, если бы он был плоский, можно было бы сказать, что он просачивается в какую-то невидимую щель. Исчезновение тора было не менее впечатляюще, чем само его появление. Позже, описывая это событие друзьям в институте, Семён говорил, что тор ушёл в подпространство. Все, кто был во дворе, стояли задрав головы и разинув рты. После исчезновения прошло ещё несколько секунд, когда все не сговариваясь бросились на проспект «Мира». Такое было ощущение, что с новой точки обзора тор ещё можно будет увидеть. На «Мира» всё замерло. Сотни людей таращились в небо, но на нём кроме звёзд ничего уже не было видно.

Распросив маленьких ребятишек во дворе, выяснилось, что они заметили этот объект примерно полчаса назад. Они грелись в подъезде и сидели на подоконнике четвёртого этажа, когда вдруг кто-то заметил, что со стороны Енисея медленно движется по небу непонятный объект не похожий ни на самолёт, ни на вертолёт и уж тем более на воздушный шар. Бублик, бублик серо-голубого (металлического) цвета. Это событие, как вбитый гвоздь, засело в памяти Семёна на всю жизнь. Дома он впервые задумался о математическом описании этой фигуры и отыскал её уравнение в своих учебниках по высшей геометрии.

* * *

Летом Семён записался в стройотряд под названием «Протон». Задача стройотряда была: «заносить хвосты», то есть устранять недоделки и переделывать всё, что было сделано не по проекту раньше. Раньше здесь работали заключённые. Это было строительство ТЭЦ-3, в которой в первую очередь очень нуждался «алюминиевый» завод. Вся стройка была по периметру обнесена высоким забором с колючей проволокой, а по углам возвышались смотровые вышки.

Через три дня, как начал свою работу стройотряд «Протон», в городе началось первенство стройотрядов среди вузов по футболу. Семёна пригласили в сборную политеха. Первенство продлилось две недели. Политех вышел в финал, а в финале проиграл институту цветных металлов (здесь Семён и встретился с молочным братом, он стоял в воротах «цветмета»).

На следующий день надо было выходить на работу в стройотряд. Семён решил, что ночевать в стройотряд не поедет, а явится утром на стройку прямо из дома.

На следующий день на стройку приехал один Семён. Весь стройотряд почему-то не явился. Примчался перепуганный прораб и сказал, что «это – катастрофа».

– Площадку под угольный склад надо бетонировать, – объяснял он одинокому Семёну, – сейчас бетон привезут, а кто его будет укладывать? Если он застынет, потом что? Только взрывать?

Бетон, действительно начали везти с половины девятого. Прораб вооружил Семёна совковой лопатой и сказал «чорт с ней, с укладкой, главное кучу раскидать, чтобы бетон не схватился. Надо чтобы бетон в куче оставался не больше двадцати сантиметров толщиной. Выравнивать потом будем. Надевай резиновые сапоги и вперед». И сам куда-то исчез. Машины – самосвал ЗИЛ-130 – шли одна за другой. Каждый нёс «два и два» кубометра бетона. К часу дня Семён принял двенадцать машин с бетоном и все их разбросал в одиночку. В это время приехал стройотряд. Оказывается у них сломался автобус и они не могли выехать. Семён бросил

лопату, стащил резиновые сапоги и побрёл куда глаза глядят. Дойдя до заросшего бурьяном забора, на котором всё ещё была не снята колючая проволока, он рухнул ничком в траву. В голове мелькала только одна мысль: «наверное, так и умирают». И отключился. Очнулся он когда одежда, насквозь мокрая от пота, на нём уже высохла.

– Гори всё синим огнём, – прошептал Семён и больше на работу в стройотряд не вышел. В конце августа Семёну домой позвонил командир стройотряда.

– Ты чего деньги не получаешь? – сказал он удивлённому Семёну.

– Какие деньги? Я всего один день работал, – недоумевал Семён.

– Прораб закрыл тебе этот день, как за два месяца. Ты же площадку угольного склада спас.

На следующий день Семён получил четыре сотни рублей. Что делать с такой кучей денег сразу даже не придумал. Виталик подбил его дней десять провести в Москве. Учёба в институте ещё не началась и друзья отправились посмотреть на столицу.

Однажды, спускаясь в подземный переход на Щёлковской, Семён заметил, как мужик раскладывает небольшой столик. Над мужиком на стене перехода был прикреплён небольшой рукописный плакат: «КНИГИ». Семён остановился рядом с мужиком, который присел на корточки и что-то перебирал в огромной вещевой сумке. Увидев, что кто-то остановился, мужик посмотрел на Семёна и положил толстую книгу на стол.

– Бери – это интересно, не пожалеешь, – мужик загадочно подмигнул. Семён, как за гипнотизированный купил книгу. Это был Мартин Гарднер «Математические досуги». Тогда Семён даже подумать не мог, что ровно через двадцать лет он будет обсуждать с Мартином Гарднером свою первую книгу по математике.

После возвращения из Москвы у Семёна начал болеть левый бок. Мать настояла на обследовании. Оказалось, что Семён, благодаря своим «подвигам» в стройотряде, надорвался – левая почка опустилась на одиннадцать сантиметров. Семёну был прописан корсет. Корсет по медицинской терминологии назывался бандаж и представлял собой пояс с многими застёжками, крючками и вставками. Надевать его надо было только в лежачем положении, когда почка находилась на своём месте, а снимать перед сном.

– И долго мне его носить? – спросил Семён врача уролога, который его обследовал.

– А вот станешь постарше, жирком обрастёшь, почка и не будет болтаться. Можно, конечно, подшить, но это серьёзная операция. Сейчас почка функционирует нормально, поэтому лучше без хирургических вмешательств.

* * *

В расписании на третий курс стояли какие-то непонятные предметы: термодинамика, гидравлика, теплотехника, парогенераторы, турбины, сопромат какой-то и ещё чёрт знает что. Математики не было и Семён почувствовал себя обманутым. Первым желанием было тут же бросить институт, но дома мама слёзно просила его этого не делать.

– Уж дотерпи эти три года, получи диплом и я буду спокойна. Время быстро пролетит и оглянуться не успеешь. Потом делай что хочешь. И Семён, скрепя сердце, согласился не бросать институт.

Книга Гарднера потрясла Семёна. Математика заискрилась множеством новых граней. В книге были не только математические чудеса, но и рассказы о выдающихся математиках всего мира. Семён практически перестал бывать в институте. Почти всё своё время он стал проводить в краевой библиотеке. Он приходил к открытию библиотеки и занимал место в читальном зале у окна. Окно выходило в заветный двор и видно было подъезд и окна Тамары. А порой Семён представлял, как над крышей библиотеки летит удивительный большой тор.

Каждый его приход в библиотеку сопровождался одним воспоминанием, от которого Семён никогда не мог избавиться. С одной стороны воспоминание всегда смешило его, с другой стороны – он с ужасом думал, как бы всё могло тогда обернуться. Ведь могли лишить его посещения библиотеки на веки-вечные. А дело было так.

Однажды зимним днём (Семён учился тогда на первом курсе) возвращался он домой и путь лежал мимо краевой библиотеки. Вдруг Семён вспомнил, что ему необходимо зайти в библиотеку и выписать задачи по физике, которые задавали для домашнего решения. А надо сказать, что перед отъездом из студенческого городка они с другом Николаем нагрузились изрядным количеством портвейна «№ 15», который почему-то всегда продавался в студенческом городке. Билет в библиотеку всегда был при Семёне. Пройдя все регистрации и взяв нужную книгу, он устроился в читальном зале. Он уже переписал несколько нужных задач, когда ему стало плохо. «Сейчас вырвет», – подумал Семён, а где находится туалет он не знал. На улице было морозно, а в тёплом читальном зале его развезло. Тошнота волнами подступала из желудка. Поняв, что больше он не может сопротивляться этому состоянию, Семён выскочил из-за стола и кинулся вниз на улицу. Пробегая мимо вахтёрши у выхода, он попытался объяснить, что забыл ручку, а живёт рядом. Выскочив на широкий с колоннами портал библиотеки его вырвало прямо на лестницу. Артистично промокнув рот платком, Семён вдруг подумал: «хорошо, что никто в это время не направлялся в библиотеку». Ему представилась такая картина. Поднимается по ступенькам библиотеки интеллигентный человек, может быть даже в очках и с изящным тонким портфелем или даже с папкой. Человек решил почитать свой любимый журнал «Пчеловодство и бухгалтерский учёт» и тут из двери вываливается пьяный подросток и устраивает фантанирующую встречу в полный рот. А если бы в библиотеку шла девушка...

Семён постоял ещё немного на морозе и вернулся в библиотеку, демонстрируя вахтёрше принесённую ручку. Через несколько минут, видимо отогревшись в читальном зале, ему снова стало нехорошо. Причём так, что он понял – до выхода не добежать. Собрав последние силы, он выскочил из зала, рванул первую попавшуюся дверь в коридоре и неогарский водопад портвейна неудержимым фонтаном вырвался наружу. Переведя дух и снова изящно приложив к губам платок, Семён огляделся вокруг. В комнате никого не было. Выйдя за дверь Семён бросил взгляд на табличку и заоченел: «ДИРЕКТОР». Он живо представил себе такую картину. Сидит за столом директор. Благообразная женщина в очках и пишет доклад «Новаторство в библиотечном деле». Вдруг без стука открывается дверь, вваливается какой-то субъект и без лишних слов начинает извергать из себя потоки портвейновой блевотины. Потом артистическим движением выхватывает платок, прикладывает его к влажным губам и говорит: «пардон, мадам».

Прервав потоки фантазии и не дожидаясь дальнейших искушений судьбы, Семён собрал свои монетки и быстро покинул библиотеку. Вероятно, вернувшийся позже директор был очень удивлён, зайдя в собственный кабинет после небольшой отлучки. Но вернёмся на третий курс.

Для Семёна этот год был годом начала его математического творчества. Он завёл специальную общую тетрадь из девятисто шести листов. С внутренней стороны обложки, как эпиграф были написаны слова выдающегося немецкого математика Давида Гильберта: «В огромном саду геометрии каждый может подобрать себе букет по вкусу». Семён стал записывать в тетрадь теоремы и задачи, которые ему были интересны. Это был год открытия для Семёна теории относительности. Он был потрясён, что теорий относительности две: специальная и общая. И автор обеих теорий один и тот же человек – Альберт Эйнштейн, а разница во времени между открытиями этих теорий была десять лет. За математикой открывалась физика, а физика вновь тянула за собой математику, о которой Семён ничего не слышал в политехническом институте. И он решил серьёзно заняться математическим самообразованием. Авто-

ром книги, которую усиленно конспектировал Семён в последнее время в библиотеке, был известный советский математик. Ему и написал письмо Семён. Написал просто «на деревню дедушке»: Москва, МГУ, профессору П. К. Рашевскому и был очень удивлён, когда в почтовом ящике вдруг увидел письмо от Рашевского.

Летом у Семёна и Николая появился одинаковый «хвост» – оба не сдавали экзамен по сопромату. До экзамена их просто не допустили. Не было соответствующего зачёта. Друзья решили вообще не сдавать экзамен по сопромату. Кому первому пришла в голову эта идея сейчас уже и не вспомнить. «Сожжём кафедру сопромата и скажем, что экзамен сдавали. Документы-то сгорят, разбирайся потом среди шестидесяти человек». И друзья приступили к подготовке задуманного мероприятия. Были обследованы все входы на первом этаже в том корпусе, где была кафедра сопромата. Это был главный корпус института. Про центральный вход не было и речи – там сидел сторож. Глухой старый дед, но он был. Именно в его дежурство решено было осуществить операцию. Были подобраны ключи от двух входов. Третья дверь запиралась не висячим, а врезным замком и ключ к нему подобрать не удалось. В операцию был посвящён только Жорик. Он и помогал подбирать ключи к замкам. Ключа от самой кафедры не было, но дверь была хлипкая и сигнализация отсутствовала. Для самого поджога решили использовать таблетки сухого спирта. Продумали – какой должен быть взят на операцию инструмент и как надо быть одетым самим. Маски на лица делать не стали, решили, что чёрных пиратских платков будет достаточно. День выбрали в начале июля, когда сессия была уже закончена, но передачи экзаменов для двоечников ещё не начались.

С вечера сидели на кухне у Семёна и пили чай. Сестра Семёна была удивлена, увидев друзей в чёрных костюмах и чёрных водолазках.

– Вы куда это собрались? – недоверчиво спросила она.

– У нас ночные занятия по тактике на военке, – не моргнув соврал Семён. Сестра знала, что военная кафедра в политехе готовит танкистов и какие там у них ночные занятия понятия не имела, но вроде поверила.

В студенческий городок Семён и Николай уехали с последним троллейбусом № 5. В портфеле Семёна лежали необходимые инструменты, чёрные платки, горючее и спички. Первой ошибкой операции было то, что они не учли специфику студенческого городка – студенты по ночам не очень-то и спят и во многих окнах девятиэтажки общежития, которая ближе всего была расположена к главному корпусу, горели огни. На головы были надеты чёрные спортивные шапочки, а на лица были повязаны чёрные пиратские платки. До угла, где располагалась нужная им дверь, через которую надо было проникнуть в здание, пробирались по газонам короткими перебежками. От последнего газона, где залегли поджигатели, до заветной двери оставалось каких-то метров двадцать, когда именно в этот угол какой-то студент затащил какую-то девицу, может быть, свою же сокурсницу. Надо было лежать в кустах, наблюдая возню в углу. Но неожиданно пошёл дождь и через несколько минут парочка покинула угол. Немного промокшие противники сопромата, наконец, добрались до нужного угла. Здесь Семён совершил вторую ошибку операции. Отомкнув висячий замок и проникнув в здание, он оставил замок висеть снаружи на одной из дужек скобы. В здании друзья надели поверх своих кед заранее заготовленные шерстяные носки и двинулись на второй этаж. В здании была мёртвая тишина. Они знали, что сторож должен совершать ночью обходы, но выяснить закономерность этих обходов при подготовке операции не удалось. На втором этаже их ждал неприятный сюрприз. Паркет коридора вдруг начал ужасно громко, как показалось преступникам, скрипеть и потрескивать. Дверь кафедры по-тихому не поддавалась, но была открыта соседняя учебная аудитория. Друзья перевели дух, но засиживаться не стали. Начав с разных концов они разложили по столам спиртовые таблетки и начали их поджигать также с разных углов класса. Когда поджигали последние таблетки, класс уже начал мерцать адским голубым спиртовым светом. Закончив с поджогом, они спустились тем же путём вниз, сняли шерстяные носки и вышли из

здания. Потом снова закрыли дверь на замок и стали уходить с места преступления. Уходить из студенческого городка решили пешком, через Николаевку. Пересекая родное футбольное поле, Николай вдруг остановился.

– Давай посмотрим, – сказал он Семёну.

– Нет, – жёстко ответил Семён и они кинулись с горы по кривым улочкам Николаевки.

Уже впереди угадывался городской вокзал и надо было перейти железнодорожные пути по виадуку, когда на мосту с другой стороны показался одинокий ночной прохожий.

– Дай отвёртку, – проговорил Николай тяжёлым шёпотом, – я его замочу.

– Подожди. Может обойдётся.

Видно было, что приближающийся мужик, в лихо заломленной на одну бровь кепке, был навеселе. В одной руке он держал металлический чайник.

– Мужики, спичек не найдётся, полночи не курил, – взмолился мужик с чайником.

– Этого добра у нас хватает, – Семён достал из кармана коробок, – оставь на память.

– Спасибо, мужики, – он был искренне счастлив, – держи, хорошая бражка, – протянул он чайник Николаю, – почти полный, я уже опился.

Друзья вышли на привокзальную площадь и через полчаса уже сидели на кухне у Семёна. Бражка действительно оказалась неплохой. Опустошив чайник, Николай оставил Семёна и отправился домой спать. Семён переоделся и с первым автобусом уехал на дачу.

Через несколько дней на дачу к Семёну приехал Жорик.

– Ты слышал, какое несчастье приключилось в городе? – почти торжественно начал Жорик, останавливаясь у крыльца дачи, – институт твой погорел.

– Не может быть, – Семён изобразил на лице удивление, – и что там?

– Я не ездил, но весь город только об этом и говорит. Сказывают, что студенты, которые первыми увидели огонь в окнах, не торопились вызывать пожарных, мол, «пусть сначала хорошенько займётся». Вызвали только тогда, когда уже всё крыло полыхало.

Через несколько дней Семён сам съездил в институт и посмотрел на плоды своей деятельности. Снаружи всё выглядело так, как будто институт расстреливали в упор из танка или пушки. Весь угол здания был разворочен, как взрывом. Окон не было, стены были закопчённые, а местами, и обугленные. Изнутри крыло было закрыто на всех пяти этажах. Видно было, что в коридорах исчез паркет. Пострадала кафедра сопромата и кафедра черчения, что была этажом выше. Крыши над зданием этого крыла тоже не было. Поговаривали, что причиной стало замыкание электропроводки, где-то на втором этаже.

Этим летом на даче Семён сделал для себя неожиданное открытие. Если ночью спуститься на верхний пляж и лечь на траву таким образом, чтобы в поле зрения ничего не попадало кроме звёздного неба и лежать совершенно неподвижно, то через некоторое время ощущение под тобой земли исчезает. Появляется ощущение, что звёздное небо начинает тебя втягивать и, глядя на звёзды, вдруг чувствуешь, что несёшься к звёздам со страшной скоростью. Само чувство тела исчезает и ты сливаешься с пространством. Ты становишься самим Космосом. Твой взгляд охватывает всю Вселенную, ты сам становишься её дыханием, её пульсом. Ты чувствуешь жизнь звёзд и они не кажутся уже тебе бесконечно далёкими.

* * *

Конец лета и начало осени Семён провёл подрабатывая в мастерской Энергосбыта. Это было рядом с домом и за это платили неплохую зарплату. Он быстро освоил работу на токарном станке. Заданий было немного: вытачивать различные патрубки, нарезать на них резьбу, растачивать фланцы, в общем – точить разную мелочь. Этот случай Семёну не только запомнился на всю жизнь, но и в результате этого случая мгновенно выработался произвольный рефлекс, от которого Семён не мог уже больше никогда избавиться.

Однажды, зажав в патроне цилиндрическую заготовку, Семён решил посмотреть, как она отцентрирована. Он нагнулся вперёд и вправо, чтобы посмотреть на заготовку с торца, вдоль осевой линии, а левую руку с ключом из патрона не снял. Правой же рукой он нажал рычаг включения станка. Его спасло то, что левая рука просто лежала на ключе. Если бы ключ был зажат в кулаке, Семёна точно бы убило. Скорость была почти максимальная. Инерцией вращения руку с ключом отбросило от патрона и ключ, пролетев слева от головы Семёна, ударил в спину начальника мастерской, который что-то делал у верстака. С этого времени, как только Семён вспоминал этот случай, голова непроизвольно дёргалась вправо.

Девушки в жизни Семёна время от времени случались. Как правило, их приводили в компанию подружки друзей, когда собирались общей компанией, так сказать, «чтобы не нарушать чётности». Такие девушки надолго не задерживались – сердце его было занято. А та, кто жила в сердце Семёна, воспринимала его просто, как старого надёжного товарища. От отсутствия поклонников Тамара не страдала – ей было из кого выбирать.

Случилось то, что когда-нибудь всё равно должно было случиться – Тамара в январе семидесят пятого года вышла замуж. Для Семёна это было ударом. Разумом он понимал, что это было неизбежно, но сердцем верить в это не хотелось. А этим же летом ему понравилась девчонка, жившая на соседней даче. Как-то раньше Семён её просто не замечал. Семён завязал знакомство и, так как сердце его было теперь свободно (он так думал), стал приглашать на свидания новую знакомую. Звали её Ирина. Она была на четыре года моложе Семёна и готовилась поступать в медицинский институт. Семён о случившемся событии решил рассказать лучшему другу Жорику.

– Ну что ж, знакомь, – с видом знатока серьёзно воспринял это известие верный друг.

Буквально этим же вечером втроём (увязался ещё один из пацанов дачной компании Сергей Т.) они посетили дачу Ирины и состоялось общее знакомство.

– Ты, знаешь, – буквально через пару дней говорил Жорик Семёну, – хоть ты и первый познакомился с Ириной – это ещё не значит, что она – твоя девушка. Симпатичная девчонка. Я тоже на неё глаз положил.

– Мне кажется, – прищурился Семён, – что и не ты один.

– То есть...?

– И Серёга на неё глаз положил.

Так они втроём и приглашали её на свидания. Ирина поступала в институт, а неразлучная тройка повсюду её сопровождала. Но вот наступила разлука – Ирина поступила в институт и, как абитуриентка, отбыла в колхоз.

Однажды осенним вечером Жорик навестил Семёна.

– Ты знаешь, дружище, – начал глубокомысленно Жорик, – кому Ирка отдаст предпочтение из нас, мы решим потом, а сейчас, мне кажется, надо снять с хвоста третьего. – Под третьим он имел в виду Сергея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.